

— НОВАЯ АНТИЧНАЯ БИБЛИОТЕКА —

— Н.А.САВИН —

ВОЕННАЯ ИСТОРИЯ
РИМСКОЙ ИМПЕРИИ
ОТ МАРКА АВРЕЛИЯ
ДО МАРКА МАКРИНА
161-218 гг.

Николай Анатольевич Савин
Военная история Римской
империи от Марка Аврелия
до Марка Макрина 161–218 гг.
Серия «Новая античная
библиотека. Исследования»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68660125

*Военная история Римской империи от Марка Аврелия до Марка
Макрина. 161–218 гг.:
ISBN 978-5-00165-563-3*

Аннотация

Темой книги является история Римской империи времён династий Антонинов и Северов от начала правления императора-философа Марка Аврелия до гибели императора-узурпатора Марка Опеллия Макрина с упором на её военный аспект, до сих пор плохо известный читателю, интересующемуся историей. Почему нами выбран именно этот период? По нашему мнению, это было время последней серьёзной попытки Рима сохранить своё безусловное доминирование в тогдашней ойкумене и, одновременно, последней попыткой сохранить античную цивилизацию Средиземноморья в целом,

как культурное и политическое явление. До того, у Рима не возникало такой потребности, поскольку никаких сомнений в своём доминировании и цивилизационном прогрессе не было. Теперь такие сомнения появились. Рим подвергся военным атакам масштабного характера, которые с трудом выдержал, а культурный уровень Империи начал снижаться, хотя, поначалу, для её жителей, не очень заметно. Одновременно начал зреть кризис мировоззрения, в первую очередь, религиозный. Древние религии, которые раньше способствовали развитию общества, теперь вызвали всё меньше уважения и искренней веры. В древних богов, с их чисто человеческими характерами, верило всё меньше людей. Соответственно, подвергались сомнению и таяли моральные принципы и уровень культуры общества. Правящие круги империи, начиная с Марка Аврелия и его круга единомышленников, пытались военной силой остановить натиск варваров, сохранить принципы античной доблести, вдохнуть новую жизнь в умирающую веру, мораль и обычаи, однако их попытки оказались тщетными. Деморализация населения, моральные срывы императоров, разложение римской гвардии и армии, бессилие и конформизм Сената, только подчёркивали это. Всё же римляне были народом-воином, поэтому чисто военные и организационные усилия Империи давали лучший результат в попытке остановить падение. Именно эти усилия мы хотим показать в данном труде.

В формате PDF А4 сохранен издательский макет книги.

Содержание

Глава 1

6

Конец ознакомительного фрагмента.

111

**Николай
Анатольевич Савин
Военная история Римской
империи от Марка Аврелия
до Марка Макрина
161–218 гг.**

© Н. А. Савин, 2023

© Издательство «Алетейя» (СПб.), 2023

Глава 1

Первая попытка Великого переселения народов (161–180 гг.)

7 марта 161 года в Риме умер 75-летний император Антонин Пий, правление которого считалось римлянами «Золотым веком империи». Спокойные для Рима времена абсолютного превосходства Империи над всеми соседями подходили к концу. Наступало время беспощадной борьбы сначала за границы Империи, а позже и за само её существование.

Будучи при смерти, Антонин совершенно спокойно и законно передал власть 40-летнему приёмному сыну Марку Аврелию Антонину (161–180 гг.), а тот, в свою очередь, разделил бремя власти со своим 30-летним «братом» (другим приёмным сыном Пия) и будущим зятем Луцием Аврелием Вером Коммодом (161–169 гг.). Оба они в тот год были ординарными консулами. Хотя всем было ясно, что Марк будет в этой паре старшим, он скрупулезно соблюдал условия завещания.

По словам известного сенатора и историка Мария Максима, приводимым Юлием Капитолином (Марк. 1), род Марка Аврелия восходил ко второму римскому царю Нуме Помпилию и саллентинскому царю Малемнию. По крайней мере оба его деда были дважды консулами, хотя родной отец не

успел подняться выше претора по причине ранней смерти. Луций Вер тоже был знатного рода.

Марк Аврелий и Луций Вер немедленно посетили преторианский лагерь в северной части города и выдали гвардии донатив в 20000 сестерциев каждому воину (5000 денариев). Командиры получили ещё больше. Донатив был выдан и легионам, но, конечно, не такой крупный, как преторианцам.

Римской империи, собравшей под своим управлением все земли и народы Античной цивилизации, несказанно повезло. В очень трудный период времени, во главе её встал выдающийся человек, объединявший в своём хрупком, болезненном теле, железную волю, выдающийся ум, искреннюю любовь ко всем без исключения людям, талант правителя и воина. Марк Аврелий, которого мы имеем в виду, был не только талантлив, но и трудолюбив. Он работал непрерывно, практически день и ночь, почти совсем не интересуясь земными развлечениями, причём свободно и непринуждённо переходил от письменной канцелярской работы, к судебным тяжбам, оттуда к торговым делам, оттуда к проблемам медицины и чрезвычайного положения, а после этого садился на коня и ехал на войну. В промежутках между заботами, император предпочитал общаться с умными людьми и сам писал философские сочинения. Он был легкодоступен и приветлив с любым гражданином империи, интересовался заботами и проблемами людей, пытался их разрешить. Марк вовсе не хотел быть императором и тяготился этой работой,

но имел высочайшее чувство долга, поэтому все 20 лет своего правления трудился как вол. Марк прекрасно разбирался в людях и умел найти способных помощников в любом деле. Конечно, это был император уровня Цезаря или Августа, и жители Империи знали, что они находятся под надёжным управлением и защитой. Даже воины, которые плохо переносили всяких умников, испытывали к Марку искреннее уважение и любовь. Против него не было никаких восстаний и мятежей, несмотря на тяжёлые испытания, выпавшие на долю людей, а тот единственный мятеж Авидия Кассия произошёл лишь потому, что Кассий получил ложное известие о смерти Марка.

А было ли что спасти Марку Аврелию? Стоила ли того Римская империя? Надо признать, что было и стоила. За несколько лет до этого, в 148 году, Рим торжественно праздновал своё 900-летие. В ходе торжеств перед знатью Рима выступил с яркой речью знаменитый ритор и софист грек Публий Элий Аристид Теодор (117–189 гг.). Речь называлась «Похвала Риму». И там великий оратор из Смирны ясно высказал политическую философию элиты, да и большинства народа тогдашней империи: «Благодаря вам весь мир стал общей родиной людям. Варвар и грек безопасно может отправляться, куда заблагорассудится. Чужестранцы повсюду встречаются с гостеприимством... Через реки вы перебрали мосты, через горы провели дороги, населили пустынные места, повсюду улучшили жизнь, утвердив закон и по-

рядок. Скажем, что человечество, в тоске стенавшее, благодаря вам наслаждается ныне благоденствием и процветанием... Ни море, ни протяжение континента не могут препятствовать стяжанию общего гражданства. Для гражданина нет границы между Азией и Европой. Всё открыто для всех – ни один человек, достойный власти или почтения, не останется в стороне. Повсюду в мире одна демократия под единым главенством. Имя римлянина вы сделали именем не одного города, но единого народа». Главное здесь – всеобщая безопасность, всеобщее процветание, всеобщее равенство, пусть и условное. Именно в Римской империи человечество впервые стало рассматриваться как нечто единое. По крайней мере, возможность стать единым, под крылом римского орла, предусматривалась. И ведь именно те, кто считал себя потомками Римской империи, включая Русь как Третий Рим, сумели, в конце концов, добиться формирования единого человечества. Понятно, что восхвалялся Аристидом и всеобщий подъём культуры. С Аристом были согласны многие, основной части населения Империи было, что терять, поэтому последовавшие вскоре атаки на Рим встретили столь мощный и единодушный отпор везде, где следовали прорывы. И не только прорывы. Население стойко выдерживало ужасную эпидемию, экономические трудности, гибель родных и близких. Достойный пример в этом показывал народу лично император Марк Аврелий.

В общем, окажись в 161 году на месте Марка другой че-

ловек, поменьше масштабом, неизвестно, удалось бы империи выдержать навалившиеся на неё неприятности, проблемы и катастрофы. И как бы тогда пошла история Европы, да и всего человечества? Ведь, пади империя во II веке, не успев выжать всё из возможностей той цивилизации, Барбарикум Европы и Ближнего Востока тоже не успел бы сформировать новые народы и группы, послужившие основой создания новых цивилизаций, эти народы не успели бы в достаточной степени усвоить азы культуры и науки, принципов управления и всего остального, что дала миру Античность. Никто, возможно, не стал бы трепетно и благоговейно сохранять наследие античного мира и всё рухнуло бы опять в убогую дикость. Не успела бы получить развитие и распространиться по окрестным народам новая религия – христианство, и философские концепции захвативших Европу варваров свелись бы к примитивным языческим практикам. На Востоке то же христианство не стало бы толчком к развитию ислама, который объединил арабский и не только мир в ещё одну цивилизацию. Там тоже осталась бы кучка примитивных племён, бесконечно режущих друг друга. Такое бывало не раз в истории человечества. Не раз оно теряло все достижения какой-то цивилизационной группы, причём, часто, бесследно, а те, кто приходил на смену погибшим, вновь тысячелетиями проходили уже пройденный другими путь.

Возможно, мы сгущаем краски и всё бы обошлось, но проверять не хочется. Гибель Западной Римской империи даже

через 300 лет после описываемых событий, привела к долгим «Тёмным векам», истреблению большинства населения Европы и гигантскому падению уровня культуры. А ведь те варвары уже были гораздо более цивилизованны, многие даже христианизированы, они разрушали античность, исчерпавшую себя полностью, при этом скорбя по ней, стараясь ей подражать, сохраняя многие её достижения и наследие.

Таким образом, с нашей точки зрения, Марк Аврелий стал тем камнем, который перекрыл русло потоку, несшему гибель Античной цивилизации, той плотиной, которая отгородила Римскую Европу, Азию и Африку от бурных волн варварского мира, несших пока больше разрушения, чем созидания. Его деятельность привела к тому, что Античность получила время и возможность более мягко и плавно принять в себя варварский мир, трансформироваться в новую Европейскую цивилизацию без катастрофического обрушения и полного разрыва.

Поначалу в Империи всё шло как раньше, однако тучи уже сгущались. Антонина Пия варвары побаивались, однако, когда старый император умер и к власти пришли два совершенно неопытных в военном деле правителя, давние враги римлян парфяне и германцы сочли это прекрасным моментом для решительного удара.

Прошло всего несколько месяцев и летом 161 года на Востоке началась Парфянская война. Что представляла из себя Парфия как противник Рима? Финский историк Илькка Си-

венне, специалист по военной истории времён Римской империи, описывает это так. Парфянское общество было, по сути, феодальным со своей иерархией. Власть Аршакида, Царя царей, была ограничена огромным влиянием и частными армиями, которыми владели знатные семьи (Михраны, Карины, Сурены, Зики, Канарангии, Испахбудханы, Спандияды, Джуснафы и Андиганы). Большинство этих семей были парфянами по происхождению, но было также большое количество не парфянских дворянских домов. Это были Сурены из племени Сака из Систана, персидская знать в Фарсе и неизвестная греческая семья, чьи единственные следы в истории можно найти у Фирдоуси, Тацита и более поздних сасанидских источников. Ко второму веку все эти семьи были связаны друг с другом через браки, так что в жилах у всех текла аршакидская кровь. Самыми могущественными из кланов были Михраны, Карины и Сурены. Последние имели наследственное право короновать царя (Тацит, Анналы 6.43), которое они сохранили даже при Сасанидах. Помимо высшей знати, в иерархию входили греческие и персидские города, сохранившие самоуправление при парфянах, различные персидские сатрапии со своими традициями и различные полунезависимые племена. По сути, единственным связующим звеном, скреплявшим Парфянскую империю, был престиж Царя царей, а также личная заинтересованность знати в поддержании статус-кво.

Ядро парфянских вооруженных сил составляли: 1) фео-

дально-племенные ополчения, обеспечиваемые аристократией (парфянской, сакской, греческой); 2) ополчение, выставаемое вольными городами; 3) контингенты, выставленные различными подчиненными племенами; 4) союзники и наемники.

Цвет парфянской армии составляла ее феодальная кавалерия. Распространено мнение, что парфяне следовали степной практике и делили свою кавалерию на десятичные единицы (10000, 1000 и 100 человек), но вполне вероятно, что эти округленные цифры включали слуг и новобранцев, как и в римской армии.

В бою парфяне использовали две линии: авангард легкой кавалерии в качестве первой линии и основную линию из катафрактов в центре и части легкой кавалерии на флангах. Первая линия должна была использоваться для обстрела противника на дальней дистанции. Цель состояло в том, чтобы либо победить врага стрельбой из лука, либо, если это не удалось, то заставить его следовать за первой линией, которая осуществляла притворное бегство, осыпая преследователей стрелами с помощью так называемого парфянского выстрела, после чего вторая линия (особенно катафракты) атаковала преследователей, в то время как крылья легкой кавалерии окружали их в рассыпном строю. Ту же практику можно обнаружить во времена Ахеменидов, в индийской «Артхашастре», в сасанидских и мусульманских военных трактатах.

Информация о подразделениях, используемых парфянами, скудна. Согласно Элиану (18.4) и его византийской интерполяцией (45.1–2), скифы использовали клиновидное построение, армянские и парфянские конные лучники использовали ромб (128 человек), а персы использовали квадратное построение (очевидно, с фронтом в восемь и глубиной в четыре воина, а всего тридцать два человека). Поскольку западные источники считают саков скифским племенем, можно предположить, что и саки могли использовать клин. Таким образом, вполне вероятно, что парфяне и их подданные использовали все виды подразделений, упомянутых в греческих военных трактатах.

Цифры Юстина (41.2) подтверждают, что собственно парфянская армия и ее отряды катафрактов строились ромбовидно по 128 человек. Юстин утверждает, что Марк Антоний столкнулся с 50000 парфянских всадников под командованием 400 человек. Это дало бы каждому командиру 125 человек бойцов. Нетрудно увидеть, что эти 125 человек на самом деле означают 128 человек, необходимых для формирования ромба, и что Юстин только использовал в своем тексте ближайшее круглое число. Также важно отметить, что все эти воины были полностью бронированными катафрактами. Та же кампания показала, что мидяне и парфяне использовали в бою построение в виде полумесяца, скорострельную залповую стрельбу из луков, симуляцию отступления и атаки римлян тяжёлыми пиками контосами. Эту же

тактику использовал и последний из парфянских царей Артабан V, за исключением того, что он ещё экспериментировал с верблюдами-катафрактами [Геродиан. История императорской власти после Марка IV.14.3 и далее].

Из-за преобладания кавалерии в римских отчетах качеству парфянской пехоты не уделялось должного внимания. Это отметил Патрик Скупневич. Понятно, что, даже если феодальная конница и составляла костяк вооруженных сил, парфяне не смогли бы осадить и завоевать столько городов и крепостей в Иране, Средней Азии, Индии и Месопотамии, если бы не обладали какими-либо пехотными силами. Вполне вероятно, что основная их часть состояла из сил, предоставленных подчиненными народами и лучшими пехотинцами парфянской армии были армяне, греки, индийцы и горцы (например, дейлемиты). Однако благодаря тому, что парфяне предпочитали использовать кавалерию, римляне обычно сталкивались с парфянской пехотой только тогда, когда штурмовали лагеря или атаковали крепости, поселения и города. Что касается римских перебежчиков, то весьма вероятно, что их потомки и люди, которых они обучали, стали мурмиллонами сасанидской эпохи, упомянутыми Аммианом Марцеллином, поскольку эти мурмиллоны были вооружены изогнутым прямоугольным щитом и коротким мечом.

Короче говоря, ясно, что вооружение и тактика парфян менялись в зависимости от обстоятельств и не были такими однородными, как это обычно преподносится. Парфянская

армия была весьма неоднородна, и командиры должны были это учитывать. Например, когда кочевые племена предоставляли царю большое количество легковооруженных конных лучников, командующему парфян приходилось применять совершенно иную тактику, чем в случае с полностью бронированной парфянской или мидийской кавалерией. Кроме того, благодаря неоднородному характеру Парфянской империи, в армии не было единого типа лука или техники стрельбы. Похоже, что большинство парфян использовали так называемый сасанидский лук (составной лук с длинными ушками), но другие народы использовали гуннский лук (асимметричный составной лук), а третьи использовали варианты скифского короткого составного лука. Каждый из видов лука имел свои преимущества и недостатки. Сасанидский лук особенно хорошо подходил для залповой стрельбы. Гуннский лук лучше всего подходил для дальних выстрелов. Напротив, эффективная дальность стрельбы скифского лука была намного меньше, и поэтому его обычно использовали те воины, которые атаковали противника копьями сразу после того, как выпускали одну-три стрелы, чтобы расстроить ряды врага. Это, конечно, является чрезмерным упрощением фактов, но, в целом, показывает ситуацию.

Парфяне имели очень качественные обоюдоострые длинные мечи из индийской стали, а также использовали клевцы и булавы против противников в доспехах и шлемах. Легкая кавалерия, помимо лука, также использовала оружие ближ-

него боя, такое как мечи, топоры и кинжалы (и, вероятно, также, дротики). Парфянские пехотные отряды были вооружены разным оружием (луками, мечами, копьями и дротиками) для разных целей.

Не следует недооценивать боевые навыки парфянской армии. Хорошо известно, что парфяне узаконили тренировки по борьбе, тяжелой атлетике и стрельбе из лука. Неоднородный характер Парфянской империи означал, что существовали и другие традиции боевых искусств. Иранские племена Фарса, племена Средней Азии и Индии, потомки греческих переселенцев практиковали панкратион, борьбу и кулачный бой, а римские перебежчики продолжали практиковать свои собственные стили боевых искусств, и вполне возможно, что эти различные стили боя как-то комбинировались. В общем, парфяне обладали очень сложными приемами боя, которые они могли очень успешно применять [*Ilkka Syvanne. Caracalla. A military biography. Pen & Sword Military. 2017. P. 237–244*].

Итак, после смерти Антонина Пия, Царь Царей за Евфратом решил, что настал момент свести старые счета с Римом. Вологез III (147–192 гг.) находился у власти уже больше двенадцати лет. Когда-то он, грозя войной, потребовал вернуть из Рима золотой трон Дария, который Траян после взятия Ктесифона (парфянской столицы) вывез в качестве военного трофея. Требование было справедливо и ещё Адриан обещал парфянам вернуть трон-символ, но не вернул, как не

вернул и Антонин. Этот спор потянул за собой и другой: спор об Армении, за господство над которой две империи ссорились уже полтора столетия. В тот момент в ней правил царь Сохэм, избранный Римом. Вологез ради престижа хотел посадить на престол Армении своего вассала. Римляне по той же причине не собирались делать ему такой подарок. Антонин Пий дважды полностью отклонил парфянские требования, послал Вологезу весьма решительное предупреждение и усилил воинский контингент на Востоке. Парфяне же начали набеги на окрестности Армении. На саму Армению Вологез несколько раз натравливал аланов, однако армяне и каппадокийские войска Рима отбили их налёты. К концу царствования Антонина Вологез ничего не добился и только ждал удобного случая начать войну, поскольку надежда получить Дариев трон или Армению миром у него исчезла.

После смерти Антонина, Царь Царей какое-то время раздумывал. Когда же он увидел, что на Палатине воссели два совершенно неопытных в военном деле новичка, из которых один увлекался философией, а другой – развлечениями, то решил пустить в дело свою знаменитую конницу. Римская разведка прохлопала подготовку парфян к войне. Никаких мер предосторожности римляне не приняли, да и армяне тоже. Летом 161 года войска Вологеза III под командованием его лучшего полководца Сурены Хозроя вторглись в Армению. Римские гарнизоны и армянские войска были застигнуты врасплох и разбиты. Часть армян, как всегда, перешла

на сторону Хозроя. Парфяне захватили армянскую столицу Артаксату, где Хозрой от имени Вологеза провозгласил новым царём Аршакидов, брата Вологеза, Бакура (Пакора). Проримский царь Сохэм сумел бежать в пределы Римской империи.

Пограничной с Арменией римской провинцией была Каппадокия. Её в то время возглавлял легат Марк Седатий Севериан Юлий Ацер Метиллий Непот Руфин Тиберий Рутилиан (158–161 гг.). Он был родом из Галлии и начало его карьеры известно по трем надписям (AE 1913, 55; AE 1933, 249; AE 1981, 640). Ясно, что Севериан прошёл senatorскую карьеру. Вигинтивират его неизвестен, как и первые три милитии. Затем Севериан в течение года был квестором в провинции Сицилия. Когда он вернулся в Рим, то побывал плебейским трибуном и претором. После претуры он был легатом легиона V Macedonica в Трезмисе в Нижней Мезии (примерно в 147–149 гг.). Затем он вернулся в Италию, чтобы взять на себя ответственность за Виа Фламиния в качестве куратора. После этого Севериан стал легатом пропретором провинции Верхняя Дакия, о чем свидетельствуют надписи и военный диплом от 5 сентября 152 года; предположительно, он занимал эту должность со 151 по 153 годы. Надпись, датированная 1 июля 153 года и «Остийские фасты» доказывают, что в 153 году Севериан был консулом-суффектом в паре с Публием Септимием Апром; они вступили в должность 1 июля. Другая надпись показывает, что тогда в Рим отправи-

лись посланники Верхней Дакии, чтобы выразить уважение своему бывшему легату. Между прочим, квестором в Риме в тот год был 22-летний Луций Вер, будущий император, который прибудет на Восток, чтобы исправить ошибки Севериана. Две надписи на греческом языке доказывают, что Севериан был легатом провинции Каппадокия; он занял эту должность, вероятно, около 157/158 или 158/159 года.

Римская армия в Галатии и Каппадокии была представлена двумя легионами – XII Fulminata и XV Apollinaris, а также ауксилиями – 5 ал и 18 когорт. Это давало, примерно, 11000 легионеров и 15000 ауксилиариев, учитывая, что 7 когорт были тысячными. Около 5000 воинов были всадниками. Ещё в Каппадокии присутствовало какое-то число нумерус, из которых известна только одна *numerus exploratorum*, то есть, разведчиков. Какие-то контингенты, также, должны были выставлять союзные армяне.

Очевидно, что Севериан узнал о вторжении в Армению слишком поздно. Он даже не успел собрать войска провинции в кулак и кинулся на помощь армянам с тем, что было под рукой. Севериан перешёл Евфрат у Саталы всего с одним легионом XV Apollinaris и частью ауксильий. То, что у Севериана был всего один легион подтверждает Дион Кассий (71, 2), когда пишет, что парфяне окружили под Элегейей именно один римский легион.

Почему Севериан поступил так опрометчиво? Лукиан Самосатский приводит специфическую историю, по-своему

объясняющую поражение римлян. Если верить Лукиану, это удивительная история, проливающая свет на бездну суеверия в тогдашнем римском обществе. Некий человек, соотечественник знаменитого сатирика, плутовством завоевал во всей Малой Азии славу великого волшебника. Он стал известен под именем Александра Абонитихийского, по названию городка в Пафлагонии на берегу Черного моря, где жил и торговал своими предсказаниями по всему греко-римскому Востоку. Среди жертв его обмана оказался и Севериан.

Александр разговаривал с потусторонним миром, используя ручного питона по имени Гликон, которому надевал на голову маску, при помощи особого устройства способную, якобы, произносить слова. Вопросы подавались ему в письменном виде, а он отвечал на них стихами. Колдуну прислуживала девица невиданной красоты, рожденная им, как он говорил, от Луны. Эта полубогиня очаровала стареющего проконсула Азии Рутулиана, которого Антонин по своему обычаю слишком долго держал на посту. Выйдя замуж за проконсула, девица стала поставлять своему псевдо-отцу самых блестящих клиентов. Узнав о вторжении парфян, императорский легат Севериан также обратился к питону с вопросом, что ждет его в войне с захватчиками. Гликон ответил:

«Быстрым копьем покорив и парфян, и армян, ты
вернешься

В Рим и к прекрасным Тибирида водам в лучезарной повязке».

Поэтому современники ничем иным и не объясняли тот факт, что легат, считавшийся опытным воином, пошел на врага лишь с половиной своих сил.

Современными историками тоже высказано несколько версий, выскажем и мы свою. По нашему мнению, Севериан, будучи опытным полководцем, вовсе не собирался вторгаться в Армению, а лишь выступил навстречу царю Сохэму, чтобы защитить его от парфянской погони и сопроводить на римскую территорию. Именно поэтому он дошёл только до Элегейи, находившейся всего в 80 км от Саталы. Как раз там горная дорога выходила на равнину у Элегейи. Может быть, Севериан решил подождать там армянского царя, а может быть римляне вышли на равнину одновременно с парфянами и были моментально окружены конницей Хозроя. Ни о каких катафракциях наши источники не упоминают, поэтому вызывает вопрос отказ Севериана от отступления. Теоретически он мог построить свою армию в каре и пробиться назад в горы, где конные лучники парфян могли преследовать римлян только с тыла по узкой дороге. Да и катафрактии не были гарантией разгрома каре.

Однако, мы знаем, что Севериан заперся в Элегейе. Почему? Почему римляне не отступили в горы, до которых было не больше 3–4 км? Конные лучники были давно знако-

мы римлянам, особенно их восточным войскам и они давно научились с ними бороться. Сами римляне могли противопоставить парфянским лучникам несколько десятков метательных орудий легиона, представлявших большую силу, поскольку стреляли быстро и далеко, да и мощь их была куда выше, чем у лука. Кроме того, у римлян были и свои лучники. В составе каппадокийской армии было до десятка ауксильев лучников из них пара тысячных. Это 6000 лучников. И пусть с Северианом была всего половина, но никакой лёгкой победы парфянам это не обещало. Что же там случилось?

Может быть, Севериан действительно поверил предсказанию Александра и решил рискнуть с малыми силами. А может быть, парфяне и армяне-инсургенты подошли к Элегейе раньше римлян и смогли подготовить им засаду. Лучшим решением для них было завалить обвалом горную дорогу, чем лишить римлян возможности отступления. Другого пути для отхода из долины у римлян не было. Тогда становится понятным решение Севериана запереться в Элегейе. А он именно так и сделал, вместо отступления и прорыва в горы. Но продержался он там всего три дня. Очевидно, Хозрой устроил непрерывную перестрелку, в ходе которой римляне расстреляли боеприпасы для метательных орудий, наиболее опасные для парфян. Ещё более важным было то, что у римлян кончилось продовольствие. Поняв, что попал в ловушку, выхода из которой нет, Севериан, подобно Квинтилию Вару, покончил с собой, а его войско парфяне перебили. По словам

Диона Кассия, армия Севериана была расстреляна из луков. Если это не гипербола, то мы можем предположить, что после гибели Севериана, остатки римлян, как и в Тевтобургском лесу, попытались прорваться. У Элегейи это могло происходить по долине небольшой горной речки, выходящей почти к самой границе Каппадокии. Кто-то из римлян должен был прорваться, поскольку мы не знаем ни о каких расформированиях частей и подразделений, включая легион. Это значит, что воины вынесли «орла» легиона и знамёна ауксилиев. Нам, правда, ничего не известно о подобном подвиге, но нам вообще почти ничего не известно об этой войне. А ведь потеряй легион «орла», это неминуемо повлекло бы за собой его расформирование. Мы же подобного не видим. Все разговоры о том, что уничтожен был легион IX Hispanica или XXII Deiotariana, давно следует забыть. Не было в Каппадокии этих легионов. Никогда и никак они там не зафиксированы. Первый уничтожили бритты в 122 году, а второй – иудеи Бар-Кохбы в 132 году, если даже еще не раньше – в 117 году.

Что же касается легиона XV Apollinaris, то не пройдет и 15 лет, как он получит титул Pia Fidelis от того же императора Марка Аврелия. Потеряй легион «орла», вряд ли бы он получил такой титул за любые подвиги. Правда, римляне могли вообще не брать с собой орла и значки в Армению, ведь это была вексилляция, и тогда им ничего не пришлось выносить.

Как бы то ни было, это поражение ошеломило Рим. Вся

добрая память о легате Каппадокии испарилась. Зато, тут же, вспомнили, что он был галл – то ли пиктав, то ли сантон, то есть легковерен и легкомыслен, по представлениям римлян. Поэтому и проиграл. В общем, испортил себе репутацию Севериан.

Между тем на доверии к Александру Абонитихийскому это никак не сказалось. Что касается лживого предсказания, то Александр просто изъял его из записей и поместил вместо него следующее:

«Севериан, воевать не пытайся с армянами. Как бы
Враг твой, одетый, как женщина, в длинное платье, из
лука
Гибельный рок не метнул и лишил тебя жизни и света».

И ничего ему за это не было. В конце концов, он же не был ответственным лицом.

Тем временем, уничтожив армию Севериана, Хозрой ворвался в Каппадокию. Римские гарнизоны отсиделись в крепостях, которые конница Хозроя не имела никаких шансов захватить и удержать, но зато парфяне разорили мирные селения и вдоль Евфрата двинулись на юг в Сирию [*Дион* 71, 2; *Орозий* 7, 15].

У северной границы Сирии парфян, наконец, встретила армия легата Луция Аттидия Корнелиана (157–162 гг.). Это сражение известно ещё хуже, чем битва при Элегейе. Вряд ли оно произошло близ Самосаты, иначе Лукиан обязатель-

но упомянул бы об этом. Скорее всего, сражение состоялось у Зевгмы или даже на подходе к Кирре. Именно тогда и там парфяне, кажется, убили отца будущего легата Сирии Авидия Кассия, ведь его владения располагались как раз близ Кирры.

Сирийская армия Рима показала себя в этом сражении с наихудшей стороны. По словам Фронтонa, римские войска в Сирии пребывали в жалком состоянии: воины в большинстве были плохо вооружены, а некоторые даже не умели обращаться со своим оружием. Солдаты в Антиохии имели обыкновение проводить время, хлопая в ладоши актерам, и их чаще можно было встретить в ближайшем кафе-саду, чем в строю. Лошади были нечѐсаны, но зато у всадников выщипаны все волосы: редко можно было увидеть солдата с волосатыми руками или ногами. Кроме того, люди были лучше одеты, чем вооружены, настолько, что дукс Понтий Лелиан, человек с характером и приверженец дисциплины старой школы, прибыв в Сирию и сделав смотр войскам, в некоторых случаях пальцами разрывал их кирасы, настолько они были тонки; он нашел лошадей, оседланных подушками, и по его приказу луки на них были прорезаны, а с сѐдел выщипан гусиный пух. Немногие солдаты могли запрыгнуть на своих коней, остальные неуклюже карабкались на них; немногие умели метать копья, большинство метало их, как игрушечные дротики, без воодушевления и энергии. В лагерьх процветали азартные игры: дежурные когорты спали всю

ночь, а если и несли караул, то за чашами с вином. Это была давняя болезнь Восточной армии, привыкшей к сибаритству и отвыкшей от дисциплины. Скорее всего, в битве участвовали легионы III Gallica и IV Scythica. Коммагенский легион XVI Flavia Firma вряд ли покинул Самосату, что исключило для парфян возможность оккупировать эту область и они просто прошли её с севера на юг. Но и легион был исключён из числа соперников парфян на юге. Легионы VI Ferrata и X Fretensis также вряд ли покинули Иудею, всегда готовую к бунту. Да, собственно, для боя с парфянами хватило бы и двух легионов Корнелиана, если бы они были по боевым качествам равны дунайским, рейнским или британским легионам. Но они оказались не равны. Более того, легионы III Gallica и IV Scythica уже давно считались худшими в Империи по боевым качествам и таковыми были на самом деле.

Были у римлян и хорошие части с хорошими командирами. Например, хорошо показал себя молодой префект киликийской когорты IV Gallorum equitata, будущий император Публий Гельвий Пертинакс, за что был направлен в Британию военным трибуном легиона VI Victrix p. f.

Хорошо показал себя и префект сирийской алы I Flavia Augusta Agrippiana Марк Валерий Лоллиан, вскоре получивший новое назначение, о котором мы ещё скажем.

Очевидно, вполне справился и префект сирийской когорты I Flavia Chalcidenorum equitata sagittariorum Элий Геркулан. Он удержал базу своей когорты Телси (Аль-Думайра),

где оставил строительную надпись CIL III, 129, датированную 162 годом. В этой надписи упомянуты легат Корнелиан и император Луций Вер, что и даёт её датировку. Чуть позже, когорта Геркулана вошла в состав Сводной кавалерийской вексилляции ауксильи Сирии.

Хорошо показала себя вексилляция Луция Нерация Прокула, присланная в Сирию Антонином Пием незадолго до начала войны.

Луций Нераций Прокул был представителем знаменитого самнитского плебейского рода Нерациев, прославившегося в I–II веках. Один из его предков, Луций Нераций Приск едва не стал императором после смерти Траяна.

Всё, что мы знаем о Прокуле, изложено в его надписи из родного города Сепинум: CIL 09 02457 L(ucio) Neratio C(ai) f(ilio) / Vol(tinia) Proculo / Xvir(o) stlitibus iudican(dis) / trib(un)o militum legion(is) / VII Gemin(ae) Felic(is) et leg(ionis) / VIII Aug(ustae) quaest(ori) aedil(i) / pleb(is) Cerial(i) praet(ori) leg(ato) / leg(ionis) XVI Flaviae Fidel(is) / item misso ab Imp(eratore) / Antonino Aug(usto) Pio ad d[e]ducen/ [d]as vex[i]llationes in Syriam ob / [b]ellum [Par]thicum praef(ecto) aerari(i) / militaris / co(n)s(uli) / municipes Saepinat(es).

Судя по надписи, карьера Прокула складывалась беспроblemно. После децемвирата по юридическим вопросам, он прошёл две милитии военным трибуном в легионах VII Gemina Felix в Испании и VIII Bis Augusta в Аргенторате в

Верхней Германии. Это было, по-видимому, в конце 40-х годов.

Третья милития Прокула в надписи не указана, возможно, её и не было. В этом случае, надо понимать, что Антонин лично продвинул карьеру молодого нобилия. Нераций получил квестуру, эдилитет и претуру, возможно, менее чем за 10 лет. Предположительно в 158–160 годах Нераций Прокул командовал легионом XVI Flavia Firma, который в надписи называется титулом *Fidelis*. Это очень интересно, ведь это единственный случай такого титулования данного легиона. Когда он мог получить этот титул? Вероятно, во время восстания Бар-Кохбы. А лишился, вероятно, в 175 году, поддержав мятеж Авидия Кассия.

Так вот, если вернуться к биографии Луция Нерация Прокула, то, скорее всего, именно после легатуры Прокул и получил командование *вексилляцией* на Парфянскую войну. Судя по надписи, получил он его ещё при жизни Антонина Пия, скорее всего, в начале 161 года. Состав *вексилляции* в надписи не называется, однако по этому поводу есть некоторые соображения. *Вексилляция* должна была состоять из частей нескольких легионов, поскольку командовал ею сенатор и бывший легат. И, скорее всего, Нераций создал *вексилляцию* на базе своего легиона XVI Flavia Firma *Fidelis*.

Здесь нам может помочь другая надпись: AE 1903 00252 из Селевкии Пиерии, порта сирийской столицы Антиохии, оставленная препозитом Сульпицием Юлианом. Над-

пись гласит: Imp(eratori) T(ito) Aelio [Ha]d[ri]/ano Antonino / Aug(usto) Pio p(atri) p(atriciae) vexil(lationes) leg(ionis) III Scy[thicae et leg(ionis)] XVI Fl(aviae) F(irmae) / su[b] Sul[picio(?)] Iulia/no].

Вряд ли здесь упоминается та же вексилляция, которой командовал Нераций. В его надписи ясно сказано, что вексилляция была создана для Парфянской войны. Но при Антонине Пие Парфянской войны не было. Он мог быть озабочен её возможным началом в первые два месяца 161 года и именно тогда поручить Нерацию сформировать вексилляцию, но за тот же срок очень вряд ли Антонин успел бы снять Нерация и заменить Сульпицием Юлианом из второй надписи. Тем более, что в надписи Юлиана нет упоминания о Парфянской войне.

Так что, скорее всего, надпись Юлиана надо датировать более ранним сроком. Возможно, она рассказывает о событиях 152–154 годов, когда в Египте, на Кипре и в Иудее вспыхнули восстания и туда были переброшены дополнительные силы римской армии. Сам Антонин в эти годы посетил Восток. Вот тогда и могла быть сформирована вексилляция Сульпиция Юлиана, состоявшая из частей легионов IV Scythica и XVI Flavia Firma, которая какое-то время размещалась в Селевкии. А в начале 161 года уже Нераций Прокул сформировал такую же вексилляцию из частей этих же легионов и, может быть, она опять прикрыла Селевкию. Прикрыла надёжно, поскольку парфяне Селевкию не взяли.

Но, в общем, армия Луция Аттидия Корнелиана была разгромлена Хозроем и бежала в Антиохию. В Сирии сразу усилились пропарфянские настроения, однако парфяне внезапно прекратили рейд и ушли за Евфрат. Целью Хозроя был разгром римских войск и подчинение Армении. Он не собирался завоёвывать Каппадокию и Сирию, которые Парфия всё равно бы не удержала. Кроме того, войска устали и понесли потери. Все свои задачи первого этапа войны парфяне выполнили и теперь Вологез ждал ответного хода Рима.

А ответный ход последовал незамедлительно. Новые римские императоры, особенно Марк Аврелий, показали себя весьма решительными и толковыми организаторами. Они немедленно начали формировать экспедиционную армию, а пока направили на Восток подкрепления во главе с талантливыми полководцами. Вероятно, первым получил приказ идти в Каппадокию легат Британии Марк Стаций Приск Лициний Италик с вексилляцией британских войск.

Стаций Приск, вероятно, происходил из Далмации. Он родился около 112 года и как многие незнатные римляне решил посвятить свою жизнь военной карьере. В лице Стация Приска Рим обрёл выдающегося полководца и государственного деятеля, всегда находившего нужные решения и не раз спасавшего Империю от неприятностей или даже тяжёлых поражений.

Он начал свою всадническую карьеру префектом когорты IV *Lingonum equitata* в 131 году в Британии. Это было крайне

беспокойное место, на острове постоянно шли бои, стычки, часто происходили восстания и нападения северных племён. Британия была очень хорошей школой для боевого командира и Приск оправдал ожидания руководства. Не случайно в 133 году его назначили военным трибуном легиона III Gallica, участвовавшего в подавлении восстания Бар-Кохбы в Иудее. За Иудею Приск был награждён вексиллумом императором Адрианом лично.

Затем Приск был военным трибуном легионов I Adiutrix p. f. (136–138 гг.) и X Gemina p. f. (139–141 гг.) в Верхней Паннонии.

Он вновь доказал свою полезность, почему и провёл три срока в легионном командовании, но карьеру надо было продвигать, поэтому талантливого молодого человека назначили префектом алы I Praetoria civium Romanorum в Нижней Паннонии (142–144 гг.). Интересно, что тогда же трибуном алы I Britannica milliaria Civium Romanorum в той же провинции служил Тит Варий Клемент родом из Норика. Он был чуть младше Приска, но карьера Вария шла быстрее, вероятно, благодаря поддержке отца, главы норикских римлян. Однако, оба провинциала позже вошли в нобилитет Римской империи и достигли больших высот, прославив свои имена и семьи. Быть может, эти незаурядные люди и познакомились лично друг с другом в 142 году в Нижней Паннонии, где им пришлось вместе воевать против языгов.

После этого Стаций Приск начал уже политическую ка-

рьеру, став сначала прокуратором в провинциях Нарбонская Галлия и Аквитания (вероятно, в 144–145 гг.). Он явно справился, поскольку после этого получил сенаторское достоинство, быстро пройдя квестуру, народный трибунат и претуру (146/148 г.).

Но его ценили, прежде всего, как военного. Поэтому пройдя все эти необходимые для нобилиа стадии, Приск вернулся к более привычному для себя делу. Примерно в 150–152 гг. он был легатом легиона XIV Gemina Martia Victrix в Верхней Паннонии (кстати, сменил Приска на этом посту Марк Яллий Басс, с которым мы вскоре встретимся), а в 153–155 гг. легатом легиона XIII Gemina в Дакии.

И вновь Приск показал себя с наилучшей стороны, настолько, что почти сразу после легатуры был поставлен в Верхней Дакии в качестве пропретора (156–158 гг.). Именно тогда в Дакии началось восстание местных племён и, очевидно, Антонин Пий не случайно сменил Луция Юлия Прокула на посту наместника командиром его же легиона Стацием Приском. Приск успешно подавил восстание и стал консулом 159 года.

Затем в 160 году Стаций был куратором канализации и городского водопровода Рима. Но мирная передышка для опытного воина была недолгой. В 161 году Приск был назначен легатом пропретором Верхней Мезии. После провинции с одним легионом он получил в управление провинцию с двумя легионами. Явный прогресс для карьеры, однако даль-

ше события стали развиваться ещё круче.

В далёкой Британии, где Приск не был уже 28 лет, начались волнения бригантов, сопровождаемые прорывами каледонцев через вал Антонина. Мы пока не знаем имени тогдашнего легата Британии, но он явно не справлялся, поэтому новый император Марк Аврелий быстро сменил его на Стация Приска. Всё было обставлено как положено. Стаций Приск был назначен легатом пропретором провинции Британия. Так он получил провинцию с тремя легионами. Столько же было только в Верхней Паннонии, Нижней Мёзии и Сирии. Это было почётное, но ответственное назначение, однако и в Британии Приск не задержался.

Эта история очень запутанна, но, по нашему мнению, хронология выглядит следующим образом. Стаций Приск в январе 161 года приступил к обязанностям легата Верхней Мёзии, где он отмечен в этом качестве дипломом от 8 февраля и откуда не позже мая был переназначен в Британию, куда сразу же уехал.

В Британии Стаций Приск вряд ли пробыл более трёх месяцев, поскольку летний разгром парфянами наместника Сирии Луция Аттия Корнелиана превратил обидное поражение Севериана в Каппадокии в полную катастрофу всего римского Востока.

По нашему мнению, Марк Аврелий не мог ждать до весны следующего года, когда Луций Вер собрал бы армию для похода на Восток. Каппадокию и Сирию надо было спасти

немедленно и даже не только от парфян, но и от местных националистов, которые могли попытаться отделиться от Империи. Да и Армении надо было возвращать.

И вот, уже в сентябре/октябре 161 года в Каппадокию была отправлена передовая вексилляция трёх британских легионов (II Augusta, VI Victrix p.f., XX Valeria Victrix) под командованием Марка Стация Приска Лициния Италика. Приск тогда, видимо, считался лучшим полководцем империи, поэтому его бросали на самые опасные участки. Он должен был стать легатом Каппадокии.

Кроме легионных, на Восток последовали также вексилляции ауксильев Британии. Мы точно знаем, что в Сирии воевала когорта I Hamiorum sagittaria milliaria civium Romanorum. Значит, могли воевать и другие. Да и легионы без ауксильев не воевали.

По пути к британской вексилляции Приска присоединилась «супер вексилляция» из состава трёх верхнепаннонских легионов (I Adiutrix p.f., X Gemina p.f., XIV Gemina) под командованием легата легиона X Gemina p.f. Публия Юлия Геминия Марциана. Стоит сказать немного и о нём.

Публий Юлий Геминий Марциан был выходцем из знатной патрицианской семьи, поселившейся когда-то в Цирте Нумидийской. Он родился где-то между 119 и 125 годом. Начиная свою карьеру Геминий с поста *triumvir capitalis* (тюремного чиновника), а затем пошёл в армию. Примерно в 145–147 годах юноша служил военным трибуном-латикла-

вием легиона X Fretensis в Иудее, а в 148–150 годах военным трибуном-латиклавием легиона IV Scythica в Сирии. Если X Fretensis был боевым легионом, как минимум трижды бравшим Иерусалим штурмом и последний раз воевавшим всего 10 лет назад, да и стоял он в очень беспокойном месте, требовавшем постоянного внимания и тренировки, то о боевых качествах IV Scythica легиона мы уже говорили. Так что, когда Марциан в 161 году вёл свою вексилляцию на Восток, он прекрасно понимал, что на сирийские войска надежды не будет.

В 50-х годах Геминий делал политическую карьеру, побывав квестором, народным трибуном и претором (около 155 года). После этого Антонин определил молодому сенатору Африку в качестве провинции и Геминий около 156–158 года был легатом пропретором легиона III Augusta в родных местах.

Очевидно, ещё при старом императоре, Геминий продолжил службу в армии и получил командование легионом X Gemina p.f. в Верхней Паннонии. Когда началась Парфянская война, да так катастрофически, что пришлось срочно посылать на Восток войска из Европы, Геминий, который был самым опытным из Дунайских легатов, возглавил вексилляцию Верхнепаннонских войск в Каппадокии. Судя по надписи ILS 1102, вексилляция именно так и называлась – «супер вексилляция». Скорее всего, под словом «супер» имелась в виду вовсе не величина, а «Верхняя Паннония» –

“superior”.

Геминий Марциан успешно командовал своей вексилляцией до самого конца войны (в надписи сказано «дважды», то есть, два срока, будучи в подчинении у Стация Приска, а затем у Марция Вера. В благодарность от императора, видимо, в 167 году, он был назначен консулом-суффектом.

В Европе начиналась Маркоманнская война, но Геминий, очевидно, уже показал предел своих военных способностей, либо здоровье подкачало, поэтому не стал полководцем этой войны, а получил пост проконсула Македонии (168–169 гг.). Он, определённо, успел смениться до вторжения в Македонию костобоков, которое пришлось отражать Грату Юлиану. Похоже, что Геминий получил пост наместника Аравии, на котором также пробыл два срока (*duogum*) примерно со 169 по 174 год. Он никак не мог быть в Аравии в 175 году, поскольку мы знаем, что легат Аравии поддержал мятеж Авидия Кассия. Между тем, карьера Геминия Марциана несколько не пострадала. Уже при Коммодe он стал проконсулом Азии в 181–183 годах или даже позже.

Конечно, Геминий Марциан не был военным или политическим гением, но он был старателен, толков и удачлив, и таких в сенате было достаточно много, чтобы поддерживать руководство Империей на должном уровне.

Вернёмся в осень 161 года. Скорее всего, ещё до нового года объединённая вексилляция Стация Приска и Геминия Марциана переправилась через Босфор и двинулась по до-

рогам Малой Азии в Каппадокию. Там Приск занял место погибшего Марка Седация Севериана. Со 162 года Стаций Приск управлял Каппадокией в качестве дукса императора Луция Вера.

В Сирию, вместо разбитого Корнелиана, был послан наместником Марк Анний Либон, консул 161 года, в противоположность Приску, никакими воинскими талантами не обладавший, но зато являвшийся двоюродным братом Марка Аврелия, который предпочёл иметь пусть неопытного, но верного и связанного с ним родством человека в такой богатой и важной для римлян провинции, как Сирия. Всё равно, Либон никакими войсками не командовал, поручив это дело опытным легатам.

Среди них был и Гай Авидий Кассий, приведший в Сирию вексилляцию нижнепаннонских ауксильий.

Нам, к сожалению, неизвестна ранняя карьера Авидия Кассия. Его семья не входила в состав нобилитета, поэтому молодой Гай должен был начинать с низкого старта, как, впрочем, и его отец. Скорее всего, Гай примерно со 150 года, подобно отцу, служил центурионом, а к началу правления Марка стал префектом. В 161 году он командовал какой-то ауксильей в Нижней Паннонии. Он показал себя жёстким и требовательным командиром, поэтому, когда Марк стал собирать войска для спасения ситуации на Востоке, именно Авидий Кассий получил пост командира вексилляции нижнепаннонских ауксильий, предназначенной для срочной пе-

реброски в Сирию. Состав вексилляции Кассия нам неизвестен, но, скорее всего, в неё входили если не все, то большинство ауксилией Нижней Паннонии. Понятное дело, не целиком, а в размере от 30 до 50 % наличного состава. Нам известно, что в этой провинции находились 6 ал и 14 когорт ауксилией из которых одна ала и одна когорта были тысячными. Кстати, именно их участие в Парфянской войне как раз можно считать доказанным. Это тысячная ала I Flavia Augusta Britannica milliaria bis torquata ob virtutem civium Romanorum, отмеченная в Сирии (Dipl. XXXIX. 114 [CIL. III. P. 1975]; CIL. III. Nr. 6748) и тысячная когорта III Batavorum milliaria equitata. Половинный состав всех нижнепаннонских ауксилией даёт около 1600 всадников и около 3500 пехотинцев. Возможно, это и были те силы, которые повёл в Сирию Авидий Кассий.

Вексилляция Кассия отправилась в поход только зимой 161–162 гг., когда слух об уходе римских войск на Восток уже широко распространился за Дунаем и вызвал бурное оживление тамошних народов, решивших, что теперь настало время попробовать римские границы на прочность. Первыми успели, как всегда, кочевники. Отряд языгов числом в 3000 конных воинов по льду перешёл Дунай и рассыпался для грабежа римской сельской местности. Где это было – нам неизвестно, но, скорее всего, где-то у Сирмиума, поскольку Кассий должен был собирать свою вексилляцию в том районе. Почему Кассий запоздал с уходом, мы не знаем,

но это пошло на пользу римлянам. Не знаящие об этом языги внезапно напоролись на вексилляцию Кассия и были разгромлены. Так что набег не получился. Ниже мы подробнее расскажем об этом эпизоде. А пока скажем, что вексилляция Кассия к весне успешно прибыла в Сирию.

Стаций Приск, Геминий Марциан и Авидий Кассий составили авангард римских войск и военачальников, прибывших на Восток, защищать интересы и владения Империи.

Вообще-то все ожидали скорого прибытия самого императора Марка с основными силами, однако Марк неожиданно отказался уезжать в Сирию и предложил вместо себя кандидатуру своего соправителя Луция Вера. Марк ссылался на здоровье, силу и разум Вера, но было件件но, что дело не в этом. Он не хотел покинуть Рим, опасаясь заговора в пользу Вера, видимо, более популярного тогда. Да и ситуация на Дунайско-Рейнской границе не внушала оптимизма. Вспомним о нападении языгов зимой. Марк, несомненно, знал о брожении за Дунаем, о создании новых племенных союзов и передвижениях племён. Назревала война куда более опасная для Рима, чем Парфянская, и Марк хотел встретить её сам.

Прекрасно зная об отсутствии военных способностей у Луция Вера, Марк отдал ему целую плеяду талантливых полководцев и администраторов, которые возглавили войска и сформировали штаб Луция Вера. Главными штабистами стали Гней Юлий Вер и Марк Понтий Лелиан, к которым присоединился недавно прибывший из Египта и назначенный

префектом претория опытный Тит Фурий Викторин. Он вёл 4 когорты преторианцев, охранявших штаб Луция Вера.

Викторин был выходцем из всаднической семьи Палатинской трибы. Он родился около 119 года и сделал серьёзную военную карьеру. Около 139–141 гг. он служил префектом когорты III *Callaeseorum Bracaraugustanorum*, которая участвовала в кампании Лоллия Урбика в Каледонии. Там Викторин получил хороший боевой опыт. В 142–144 годах Викторин был военным трибуном-ангустиклавием в легионе II *Adiutrix p.f.* в Нижней Паннонии, где шла война с языгами. Именно в эти годы двумя алами Нижней Паннонии командовали Тит Варий Клемент и Марк Стаций Приск. И вот, оказывается, Тит Фурий Викторин также служил там в это самое время. Затем Фурий был направлен в Поролисскую Дакию, где принял командование алой I *Tungrorum Frontoniana* (145–147 гг.). Пройдя три милитии, Фурий Викторин начал гражданскую карьеру. Он отслужил пару лет прокуратором Ближней Испании (148–149 гг.), затем прокуратором Галатии (150–151 гг.). В 152 году Фурий был прокуратором Великих игр в Риме, а потом вернулся к военной карьере. Он стал префектом Равеннского флота (153–154 гг.) затем Мизенского флота (155–156 гг.), наконец, прокуратором по денежным делам (157 г.). После этого Фурий был назначен префектом вигилов (158–159 гг.). С июля 159 по сентябрь 160 года Фурий был префектом Египта. Другими словами, Тит Фурий Викторин был человеком Антонина Пия, цели-

ком обязанным ему карьерой, которая развивалась, никак не прерываясь весь принципат Антонина и достиг очень высокого поста префекта Египта. Ясно, что этому способствовали не только личные качества Викторина, но и протекция самого Антонина Пия. Однако, и Марк Аврелий ничуть не затормозил карьеру Викторина. Несомненно, они были хорошо знакомы, и Марк уважал опытного воина и администратора. В 161 году он назначил Тита Фурия Викторина префектом претория. Теперь Викторин вошёл в штаб Луция Вера на Востоке. Второй префект претория Секст Корнелий Репентин оставался в Риме.

Гней Юлий Вер был уроженцем Далмации, сыном знаменитого Секста Юлия Севера, победителя Бар-Кохбы, сам воевал в Иудее, командовал легионом XXX *Ulpia Victrix* в Ветере, а потом и всей Нижней Германией, подавлял восстание каледонцев в Британии в 155–159 гг.

Марк Понтий Лелиан, родом из Бетерр в Нарбонской Галлии, воевал с каледонцами в Британии в 122–124 гг. в составе легиона VI *Victrix p.f.* (*Pia Fidelis*), командовал легионом I *Minervia p.f.* в Нижней Германии, был консулом-суффектом 145 года, наместником Нижней Паннонии, Верхней Паннонии, Сирии. Теперь эти опытные люди должны были сделать всю основную работу за Луция Вера.

Весной 162 года к Византию начали стягиваться основные силы его армии. Из Нижней Германии новый легат Марк Клавдий Фронтон, специально назначенный его другом Лу-

цием Вером, вёл основную часть легиона I Minervia p. f. из Бонны и вексиляцию легиона XXX Ulpia Victrix из Ветеры.

С легионерами на Восток отправились и некоторые ауксиллии. Достаточно точно установлено, что в Сирии воевали алы I Noricorum c. R. p. f. из Дурномагуса и I Thracum из Фектиона и когорты: I Latobiorum et Varcianorum из Колонии Агриппины и II Civium Romanorum Ingenuorum Equitata p.f. (в это время стала чаще называться II Equitata) из Штайн-чесхофа. Возможно, туда отправились и вексиляции других ауксильев, о которых мы ничего не знаем, ведь пропорцию в числе легионеров и вспомогательных войск нужно было соблюдать. Войскам с Рейна предстояло пройти 3500 километров со средней скоростью 900 км в месяц.

То, что Марк так смело ослабил группировку в Нижней Германии, говорит о том, что он был уверен в безопасности этой провинции. И он, в общем-то, не ошибся. Нижняя Германия уже давно выступала этакой резервной базой для помощи другим провинциям. Её войска направлялись во все стороны Империи и воевали от Британии до Мавритании, и от Испании до Сирии. Так случилось и в этот раз, и вновь всё обошлось благополучно. Никаких серьёзных врагов напротив Нижней Германии пока не было. Хотя, как оказалось, германцы за Рейном думали иначе. Воспользовавшись уходом нижнегерманской вексиляции, они решили немедленно ударить именно по этой провинции. Первая попытка прощупать лимес Нижней Германии случилась в тот же год.

А вот Верхнегерманские войска, кажется, остались на месте, возможно, римляне опасались реакции хаттов на перенос лимеса в их земли в 159 году.

Вероятно, в Сирию прибыла целиком ала I Hispanorum Augusta из Бирицианы в Реции, отсутствующая в дипломе за этот год (RMD-III, 178 = RMD-III, 112.). Остальные ретийские ауксии указаны все, но возможно от них или части из них на Восток тоже ушли вексилляции. Попала ли ретийская ала под командование Фронтонна или ретийцами командовал свой препозит – мы не знаем.

Из Нижней Паннонии в Сирию шёл легион II Adiutrix p. f., легатом которого обычно ошибочно называют Антистия Адвента. Однако, Адвент в это время определённо командовал дегионом VI Ferrata в иудейской Капаркотне и принял II Adiutrix p. f. только после его прибытия в Сирию. Вообще, ослабление войск Нижней Паннонии было удивительным, ведь в Сирии уже находилась вексилляция нижнепаннонских ауксий Авидия Кассия, теперь туда же ушёл и весь легион II Adiutrix p. f., а ведь он был единственным легионом Нижней Паннонии!

В Нижней Мёзии к германскому и паннонскому легионам присоединился V Macedonica легата Публия Марция Вера (ещё один из друзей Луция Вера). Здесь у наместника провинции Марка Яллия Басса осталось ещё два легиона, поэтому уход легиона Марция Вера не был так критичен.

Более того. По нашему мнению, вместе с легионом

Марция Вера на Восток двинулась «вексилляция конницы Нижней Мёзии и Дакии» под командованием Луция Пакония Прокула. Об этом сообщает надпись CIL VI 32933 = D.2723 из Рима, которую мы приводим: L(ucio) P(aconio) L(ucii) f(ilio) Pal(atina) Proc(ulo) praef(ecto) coh(ortis) I Fl(aviae) Hisp(anorum) eq(uitatae) p(iae) f(idelis), trib(un) mil(itum) leg(ionis) XI Cl(audiae) p(iae) f(idelis), praef(ecto) vexillation(um) eq(uitum) Moesiae infer(ioris) et Daciae eunti in expeditione Parthic(a), donis militar[ib(us)] donato, praef(ecto) eq(uitum) alae pr(imae) Aug(ustae) Parthorum, patrono et curatoro municipi d(ecreto) d(ecurionum) publice.

Надпись эта интерпретируется по-разному, многие считают, что эта надпись относится ко временам Траяна, но нам кажется, что это именно Парфянская война Марка Аврелия и Луция Вера.

Если наша интерпретация верна, то римский всадник Луций Паконий Прокул начинал свою военную карьеру префектом когорты I Flavia Hispanorum equitata с. R. Pia Fidelis в Ригомагусе в Нижней Германии (156–158 гг.). Затем он стал военным трибуном легиона XI Claudia pia fidelis в Дуросторуме в Нижней Мёзии (159–161 гг.). В конце его трибуната началась Парфянская война и Марк начал срочно формировать европейские экспедиционные силы. В их число и вошла «вексилляция конницы Нижней Мёзии и Дакии», препозитом которой был назначен Луций Паконий Прокул (162–164 гг.). Почему именно он? Потому что, во-первых, его вто-

рая милития подошла к концу, а римляне, всё же, старались придерживаться своих порядков, хотя бы, чтобы не вызвать противоречий и соперничества между кандидатами на пост. Во-вторых, Паконий должен был хорошо себя зарекомендовать, чтобы умный и опытный Яллий Басс порекомендовал его Марку. Как, возможно, и Тиберий Клавдий Юлиан, под началом которого Паконий служил в Нижней Германии.

Состав вексиляции Пакония неизвестен, но, возможно, она включала в себя части всех ал Нижней Мёзии и Дакийских провинций, а это 14 ал, то есть в пределах 3500–4000 всадников.

Два с половиной легиона и ауксии Пакония переправились через Босфор и двинулись на восток по дорогам Малой Азии.

Из Африки и Аравии в Сирию пришли вексиляции легионов III Augusta и III Cyrenaica. Они двигались южным маршрутом. Вексиляция III Augusta, конечно, была перевезена на кораблях в Египет, а оттуда по суше или по морю двинулась в Сирию. Вексиляция легиона III Cyrenaica шла, несомненно, по суше. Вероятно, эти войска укрепили саму Антиохию или Зевгму.

Надпись ILS 2746 свидетельствует, что из Поролисской Дакии в Сирию пришла сильная когорта I Ulpia Brittonum milliaria torquata civium Romanorum Pia Fidelis во главе с военным трибуном Гаем Юлием Коринфианом, который в Сирии возглавил вексиляцию из своей когорты и местной VII

Gallorum p.f.

Гай Юлий Коринфиан был уроженцем Тевесте в Африке. Судя по имени, он принадлежал к романизированным африканцам либо грекам. Очевидно, семья была достаточно знатной по африканским меркам, что помогло Юлию в продвижении по службе. Коринфиан очень поздно по имперским меркам стал военным. Ему было 25 лет, когда он пошёл в армию и стал префектом когорты VII Gallorum p.f. в Сирии (156–158 гг.). Африканец хорошо зарекомендовал себя, поэтому следующая должность, полученная им, была уже выше. Он был назначен военным трибуном весьма заслуженной тысячной когорты I Ulpia Brittonum milliaria torquata civium Romanorum Pia Fidelis, дислоцировавшейся в Поролисской Дакии, где тогда шла война с мятежными даками. Коринфиан определённо укрепил свою репутацию в этих боях, где стал настоящим боевым командиром с опытом войны. Поэтому, когда в 161 году началась Парфянская война на Востоке, Коринфиан получил должность препозита «Дакийской (Dacorum) вексилляции», в которую вошли как минимум две когорты, одна из которых уже находилась в Сирии и которыми он уже успел покомандовать, солдаты которых прекрасно его знали.

Ещё в Сирии была сформирована «Сводная Месопотамская кавалерийская вексилляция» препозита Марка Валерия Лоллиана. Она состояла из 6 ал и 15 конных когорт, составлявших все ауксиллии провинции Сирия [CIL. III. Nr. 600 =

Dessau 2724].

Эту надпись некоторые исследователи относят к походу Траяна, однако последнее исследование Рудольфа Хенша и Петера Вайса довольно убедительно доказывает, что текст относится ко временам Марка Аврелия [Rudolf Haensch – Peter Weiss.»Ein schwieriger Weg. Die StraЯенbauinschrift des M. Valerius Lollianus aus Byllis«. – Mitteilungen des Deutschen Archdologischen Instituts. Rцmische Abteilung Band 118, 2012].

Происхождение Марка Валерия Лоллиана точно неизвестно. То, что он не был патрицием и сенатором сомнений не вызывает. Это значит, что Лоллиан не был представителем знаменитейшей патрицианской семьи Валериев. Он определённо был всадником, о чём говорит его *cursus honorum*.

Итак, родился Марк Валерий Лоллиан примерно в 133 году в Биллисе в Эпи-ре, по достижении 20 лет пошёл служить в армию, где стал префектом когорты I *Aramenorum sagittariorum equitata* в Египте (около 153–155 гг.). Затем Лоллиан стал военным трибуном легиона VII *Gemina Felix* в Испании (около 156–158 гг.). После этого молодой человек был назначен префектом алы I *Flavia Augusta Agrippiana*, дислоцировавшейся в Сирии (159–161 гг.).

Когда началась Парфянская война, Лоллиан, несомненно, проявил себя наилучшим образом, почему и был назначен препозитом такой огромной вексилляции.

«Сводная Месопотамская кавалерийская вексилляция»

Марка Валерия Лол-лиана включала следующие алы: I Praetoria civium Romanorum, I Augusta Xoitana, I Flavia Augusta Agrippiana, I Thracum Herculiana, I Ulpia Singularium (CIL. III. Nr. 11995; X. Nr. 6426) и I Ulpia Syriaca.

Когортами под командованием Валерия были I Lucensium equitata, IV Callaecorum Lucensium, I Ulpia sagittariorum equitata civium Romanorum, II Ulpia sagittariorum equitata civium Romanorum, I Flavia equitata civium Romanorum, I Claudia Sugambrorum tironum equitata, I Flavia Chalcidenorum equitata, I Ascalonitarum sagittaria felix equitata, II и III Ulpia Paflagonum equitata, II Thracum Syriaca, II Equitata, I и V Ulpia Petraeorum sagittariorum equitata, III Dacorum equitata (CIL. III. Nr. 600 = Dessau 2724).

Зачем римляне сформировали эту огромную вексилляцию, составившую, по сути, целую отдельную армию? Точно мы, к сожалению, не знаем. Может быть, Юлий Вер и Понтий Лелиан оценили разнородность вооружения и методов боя легионов и ауксилиев на Востоке и решили, что отдельными корпусами они будут сражаться эффективнее? Но скорее всего, идея была в том, чтобы собрать в кулак кавалерийские подразделения для манёвренной войны в Сирии и Месопотамии. Возможно даже, что в когортах пешая часть их не использовалась в данной вексилляции.

Реальная надпись о вексилляции Лоллиана на камне из римского Биллиса в Албании, найденная в нача-

ле XIX века, ныне утеряна. Мы даём её интерпретацию австралийским историком Дэвидом Кеннеди: M. Valerius M. f. Quir. Lollianus. praefectus cohort. I Apamenorum sa[gittariorum] equit. trib. milit. leg. VII Gem. Fel. praef. eq. alae Fl. prae./ praepositus in Mesopotamia vexillationibus equitum electorum alarum/ praetoriae. Augustinae Syriacae. Agrippianae. Herculianae./ singularium. item cohortium I Lucensium. II Ulpiae equit{t./ c.}R. I Fl. c.R.. II Thracum. III Ulpiae Paflagonum. II equitum. II Ascalonitallorum. I Fl. Chalcidenorum. V Petreorum. III Lucensium. I Ulpiae Petreorum. II Ulpiae' Paflagonum. I Ulpiae sagittariorum. III Dacorum. I Sygambrum. I viam pub{licam] quae a col. Byllid. per Astacias ducit angustam fragosam {pe}riculosamq. I ita munit. ut vehiculis commeetur. item [pon] tes in Argyra flumine et rivis d.s. {f.} I et inscr[ip]sil. d.d.

Из надписи видно, что, после Сирии Лоллиан руководил ремонтом дороги и мостов на пути из Биллиса в Астейас в родном Эпире. Почему его карьера закончилась так быстро и неожиданно, мы не знаем. Возможно, он был сильно ранен или заболел.

Ещё на Парфянскую войну прибыл 20-летний Марк Валерий Максимиан. Он был назначен префектом когорты I Thracum Syriaca (162–164 гг.), затем трибуном когорты I Hamiorum sagittaria milliaria civium Romanorum, переведённой из Британии (165–167 гг.), затем был препозитом в Понте Полемоновом (167–168 гг.), и был награждён по итогам

войны. С ним мы ещё встретимся.

Сам же император и наместник Востока Луций Вер не слишком торопился на фронт. Для этого молодого сибарита война была нудной и тяжкой обязанностью, от которой он с превеликим удовольствием отказался бы.

Марк провожал Луция Вера лишь до Капуи, после чего тот неспешно доехал до Брундизия, по дороге устроив охоту в Апулии и заболев там от пьянства. Выздоровев, Вер переправился в Ахайю. К концу лета 162 года он добрался только до Коринфа. Потом посетил Афины и Элевсин, где знаменитый софист Герод Аттик (консул 143 года) посвятил его в Мистерии, вторым из императоров после Адриана. По словам хрониста Эккехарда, во время жертвоприношения в Афинах, Вера привиделось, будто по небу с запада на восток пронёсся огонь. Был ли это метеорит, неизвестно. Потом Вер плывал у острова Саламин на триере с песнями, музыкой и танцами. Осень главнокомандующий армиями Востока провёл в Эфесе, Пергаме и Смирне, не отказывая себе ни в каких удовольствиях, а «лютую» субтропическую зиму «переждал» в Лаодикее. В Эфесе он гостил у местного аристократа Ведия Антонина, а потом неожиданно остановился в Эри-трах у местной сивиллы. В Смирне молодой император познакомился с гетерой Пантеей и так влюбился, что даже сбрил бороду, которая, по словам красавицы, колола ей лицо. Пантею Луций Вер взял с собой в Сирию.

Тем временем, Рейнские провинции в 162 году получили

первый удар от германцев. Сначала стоит упомянуть о пере­становках руководства западными провинциями. Мы знаем, что в Британии тогда снова шла война с бригантами, а опытный легат Марк Стаций Приск с вексиляцией британских войск отправился в Каппадокию, поэтому Марк Аврелий по­слал ему на замену в Британию не менее опытного Секста Кальпурния Агриколу (161–167 гг.) из Верхней Германии. Легатом же Верхней Германии вместо него стал Гай Ауфи­дий Викторин (161–166 гг.), личный друг нового императо­ра.

Викторин происходил из умбрийского города Писавр. В молодости он обучался у знаменитого грамматика, ритора и адвоката Марка Корнелия Фронтонa, на дочери которо­го, Грации, он и женился. Но в то же время там обучался и будущий император Марк Аврелий, который подружился с Викторинoм. При поддержке Марка карьера Ауфидия по­шла быстро. В 155 году Викторин уже занимал должность консула-суффекта. В 161–166 годах, как мы видим, в каче­стве легата пропретора он руководил важнейшей провинци­ей Верхняя Германия. Действия его там были признаны весь­ма успешными, поэтому Марк включил Ауфидия в состав членoв своего штаба. В 167–168 годах он сопровождал Мар­ка Аврелия и Луция Вера в Маркоманнской войне, за уча­стие в которой получил небывалые военные награды в коли­честве 6 военных венков, 8 почётных копий и 8 почётных вексиллоумов. В 168–169 годах Викторин занимал пост ле-

гата пропретора провинции Дакия, которая находилась на острие атак варваров. В 170–171 годах Ауфиция перевели на запад, где он управлял Бетикой, а в 171–172 годах – Ближней Испанией, где успешно отразил набег мавров. Между 173 и 175 годом Викторин был проконсулом Африки, снабжавшей Рим хлебом, почему туда назначались лишь самые доверенные сенаторы. Естественно, Викторин был жрецом высокого ранга – фециалом и жрецом Антонина. В 177–179 годах Викторин управлял Сирией в качестве легата проконсула и привёл эту провинцию в порядок после мятежа Авидия Кассия. В 179–183 годах он был префектом Рима. Это была высшая должность, доступная сенатору и Марк Аврелий дал её своему старому другу.

Среди историков сегодня нет единодушия в определении датировки легатуры Викторина в Верхней Германии. Некоторые сокращают срок его пребывания в этой провинции до 161–162 гг., однако они, видимо, не обращают внимание на письмо Фронтонa Марку Аврелию от 166 года, в котором он ясно указывает на то, что Викторин тогда ещё был в Германии. Напомним, что Викторин приходился зятем знаменитому ритору и Фронтон горестно сообщал императору, что у Викторина и Грации умер трёхлетний сын Децим, внук Фронтонa [Франсуа Фонтен. Марк Аврелий. М. 2005. С. 137].

В соседней Нижней Германии со 161 года легатом был двоюродный дядя будущего императора Гай Септимий Се-

вер (161–170 гг.), который определённо был надёжным человеком, иначе не оставался бы легатом столько лет. Из его биографии мы знаем, что в 150–152 годах Гай служил легатом легиона XVI Flavia Firma в Сирии под руководством Понтия Лелиана, в 158–159 годах наместником Ликии и Памфилии, а в 160 году был консулом.

Как раз примерно в 162 году Гай Септимий Север принял участие в делах своего молодого племянника Луция, приехавшего в Рим из Лептиса в Африке. Он познакомил Луция с нобилитетом Рима и, в том числе, с самим Марком Аврелием. Элий Спартиан описывает первые неловкие шаги молодого финикийца в Риме. Он был приглашён на обед к императору, но не знал этикета, поэтому несколько раз попал впросак. Так, «приглашенный к императорскому столу, он явился в греческом плаще, тогда как должен был прийти в тоге, и ему дали наместническую тогу, принадлежавшую самому императору». Потом «он сел на неправильно поставленное служителем императорское кресло, не зная, что этого делать нельзя» [Элий Спартиан. Север I]. Тем не менее, молодой африканец понравился императору, и он в дальнейшем присматривал за его карьерой. Тогда же 17-летний Луций Септимий Север был назначен одним из вигинтивиров. Предполагают, что в это время Луций познакомился и подружился в Риме с двумя знатными молодым нобилем из Испании. Того, что постарше, звали Публием Корнелием Ануллином и он был родом из Илиберриса. Ануллин позже

помогал ему в продвижении по служебной лестнице, а ещё позже стал одним из важнейших помощников Севера-императора. Луций Фабий Цилон был помоложе. Он был родом из Илура в Бэтике и стал близким другом Септимия.

Север не собирался идти по военной стезе, поэтому в следующем году начал учиться на адвоката у самого Сцеволы, бывшего тогда одним из лучших римских юристов. Несколько лет после этого будущий император был *Advocatus fisci*. При этом Септимий пропустил ступень военного трибуната, что повлекло за собой необходимость дожидаться 25-летнего возраста для получения должности квестора. Север даже на несколько лет вернулся в Африку. Там он по молодости пустился во все тяжкие и даже был обвинён в прелюбодеянии, но оправдан проконсулом Марком Дидием Юлианом (163–164 гг.), которого через много лет он убьёт в борьбе за власть. 5 декабря 169 года Луций Септимий Север, наконец, вступил в должность квестора. Именно тогда он был зачислен в сенат.

Прокуратором Реции в 162–165 годах был Секст Бай Пуденс. Он принадлежал к всадническому роду из сабинского города Куры, что в 36 км от Рима по Соляной дороге.

Пуденс начинал карьеру префектом одной из когорт ауксильев (148–150 гг.), затем стал военным трибуном императорских гвардейцев *Equites singulares* (151–153 гг.), что говорит о прекрасном начале карьеры этого человека и больших военных талантах его. Иначе кто бы поставил совсем

молодого человека на такой ответственный пост?

Дальше карьера Пуденса нам неизвестна вплоть до прокураторства в Норике примерно в 159–161 гг.), а затем уже и в Реции, после чего Бай побывал также прокуратором Мавритании Цезарейской (167–169 гг.). Дальнейшая его карьера опять неизвестна, но умер он, скорее всего, уже при Коммодe.

Вернёмся в 162 год. События в Германских провинциях и Реции подробно описаны нами в соответствующих книгах, поэтому здесь мы будем лишь упоминать о них. В том году хатты сожгли нижнегерманскую кастеллу Дурномагус, находившуюся между Колонией Агриппины и Новезиумом. Возможно, это произошло после ухода части гарнизона крепости на Восток вместе с легионом I Minervia p.f. Гарнизон же Дурномагуса была ала I Noricorum c. R. p. f. Не исключено, что часть алы тоже ушла в Каппадокию. Удар по Дурномагусу выглядит как серьёзное прощупывание римской обороны в Нижней Германии. Нападение оказалось неожиданным, но его удалось отбить.

Напали хатты и на Верхнюю Германию. Там подверглись нападению кастеллы Неманинга и, возможно, Эхцелль.

Римские источники утверждают, что хатты напали также на Рецию. Никаких следов этого нападения археологи пока не обнаружили. Видимо, хаттам не удалось захватить ни одного укрепления на Ретийской границе и прорваться вглубь территории провинции.

Хотя удары хаттов были не очень впечатляющими, всё же, такое случилось впервые с 69 года и восстания Цивилиса, то есть, почти за 100 лет! Первый тревожный звонок прозвучал. Да если вспомнить ещё прорыв языгов за Дунай, то для Марка Аврелия это стало сигналом приближающейся большой войны. Поэтому больше он никаких войск с Рейнско-Дунайского лимеса не снимал и поторопил Луция Вера с началом решительного наступления на Востоке.

Весной 163 года путь молодого императора прошел через Эгейское море, не пропуская ни одного курорта Ликии, Памфилии и Киликии. Только через год после отъезда из Рима Луций Вер прибыл в Антиохию.

Там уже хозяйничали Гней Юлий Вер, ставший проконсулом Сирии (162–166 гг.) после неожиданной и странной смерти Либона, и Марк Понтий Лелиан Ларций Сабин, приведший в порядок давно распустившиеся Сирийские войска. В этом Понтий нашел себе прекрасного помощника в лице Гая Авидия Кассия. Начал-то, наведение порядка в легионах, несомненно, Понтий Лелиан, о чём пишет ритор Корнелий Фронтон [Fronto, Ad Verum Imp. 2.1.19.]. Другое дело, что он явно не справился с этим делом, поскольку Кассию пришлось потом заново дисциплинировать легионеров. Но именно Понтий Лелиан, например, запретил солдатам азартные игры и пьянство, лишил сёдла кавалеристов мягкой набивки и прочих элементов развращающей роскоши.

Карьера Гая Авидия Кассия успешно шла вверх. Вероят-

но, где-то весной 163 года он стал легатом легиона III Gallica в Рафанее на юге Сирии. Лукиан называет третий легион, галатов и небольшой отряд мавров, которыми командовал Кассий [Лукиан. Как писать историю 31]. Под галатами, видимо, нужно понимать когорту I или II *Ulpia Galatarum*, или обе сразу. Отряд мавров – это, конечно, нумерус.

Это важное уточнение Лукиана обычно игнорируют, считая, что Авидий стал командующим всей сирийской группировкой чуть ли не в 163 году, но это не так. Он просто не мог разом перескочить все ступени военной карьеры, и Лукиан это подтверждает. И ещё. Согласно Лукиану, у Авидия было очень мало вспомогательных войск. Как легат легиона Авидий Кассий должен был получить под своё командование не одну-две когорты, а вчетверо-впятеро больше. Но мы уже знаем, что многие ауксиллии Сирии вошли в состав Сводной вексиляции Лоллиана, поэтому Кассию, как самому молодому из легатов, да ещё и получившему легатуру не по чину, и досталось так мало вспомогательных войск. Однако Авидий весьма рьяно взялся за приведение своих войск в порядок и, устроил такие жёсткие тренировки, что скоро легион III Gallica стал показывать вполне приличные боевые качества. Это вновь заметили «наверху».

Ещё, кажется, на Восток в качестве легата одного из легионов в 163 году прибыл Тиберий Клавдий Помпеян, в будущем ближайший помощник, зять и возможный преемник Марка Аврелия.

Вообще, разбитые парфянами сирийские легионы, вряд ли в 162 году участвовали в боях на границе. Римлянам ещё повезло, что парфяне так вяло пытались форсировать Евфрат. В 161–162 годах на западный берег древней реки переправлялись лишь диверсионные отряды, которые держали римлян в напряжении. Крупными силами парфяне даже не пытались ударить по Сирии. Очевидно, Вологез считал, что, выгнав римлян из Армении, он выполнил свою стратегическую задачу. В таком случае, это было недалёковидное представление. Рим был ещё очень силён и даже из простых соображений престижа не мог отказаться от заевфратских земель, пусть даже сам Марк Аврелий отзывался об этих землях пренебрежительно и нисколько не грезил лаврами Александра.

В целом, парфяне упустили возможность добить римскую армию на Востоке, хотя, видимо, могли это сделать, по крайней мере, в отношении изнеженных сирийских легионов. А молниеносная реакция римлян по переброске подкреплений на Восток аж из Британии говорит о том, что Марк понимал слабость восточных легионов и опасался удара парфян по Каппадокии и Сирии.

Британские войска Стация Приска к исходу 161 года уже перекрыли каппадокийскую границу и Приск начал действовать настолько удачно, что совершенно перехватил инициативу. Вскоре сами парфяне и армяне-инсургенты стали считать его непобедимым. В римские же войска этот выдающийся-

ся полководец просто вдохнул жизнь и уверенность в своих силах. Причём, в отличие от Авидия Кассия, обошёлся без суровых репрессий. Правда, и каппадокийская армия была более боеспособной, чем сирийская.

Летом 162 года на помощь Стацию Приску подошли легионы I Minervia p. f. и V Macedonica легатов Марка Клавдия Фронтоня и Публия Марция Вера. Там же была вексилляция легиона XXX Ulpia Victrix. Очевидно, и ауксии с Рейна также действовали в Каппадокии. Как и «вексилляция конницы Нижней Мёзии и Дакии» Луция Пакония Прокула. Около года они, вместе с XII Fulminata и XV Apollinaris легионами, а также вексилляцией Британских войск готовились к контрнаступлению.

Отметим, что военным трибуном легиона XV Apollinaris в том году стал Авл Юлий Помпилий Пизон. Ранее Пизон служил латиклавием легиона XII Fulminata в той же Каппадокии и принял участие в первых боях с парфянами Хозроя. Как раз к концу службы Помпилия началась Парфянская война и наместник Каппадокии был разгромлен парфянами под Элегейей. Бывший при нём единственный легион XV Apollinaris сильно пострадал и нуждался в срочном пополнении. Очевидно, Марк Стаций Приск попросил отставников и демобилизованных остаться на службе и перейти в пострадавший легион. Помпилий был в числе согласившихся. В «Аполлоновом» легионе Пизон прослужил три года Парфянской войны и уволился только после смерти Стация Приска. О даль-

нейшей истории Пизона в Маркоманнской войне мы расскажем ниже.

Проникнуть вглубь Армении легче всего было из Саталы. Очевидно, именно оттуда Стаций Приск и ударил весной 163 года. За два года оккупации парфяне уже поднадоели армянам, поэтому часть местного населения перешла на сторону римлян. Впрочем, часть армян всегда выступала за Рим. Пройдя мимо злосчастной Элегейи, войска Приска углубились в горы Армении. 8 легионов, пусть и неполных, с сопутствующими ауксилиями, легковооружённым войскам парфян остановить было невозможно. Тяжёлая парфянская кавалерия в горах не могла действовать во всю мощь, а конных лучников у самих римлян хватало. Каппадокийские войска жаждали мести за поражение под Элегейей, а европейские вообще не знали поражений. В узких долинах не было никакой возможности развернуть войска в правильный порядок и боевые действия, видимо, ограничивались взаимными налётами и засадами, осадами крепостей и укреплений. Римляне упрямо пробивались вперёд, оставляя позади гарнизоны. Вероятно, гарнизоны были оставлены в Элегейе, Карине, Аруше, как минимум.

Расстояние между Саталой и Артаксатой 500 км. Обычным маршем римляне дошли бы до неё за 2 недели, но в горах и с боями они, конечно, задержались. Наконец, армия Стация Приска вырвалась в долину Аракса. Внизу перед ней раскинулась Артаксата, столица Армении. Город был серьёз-

но укреплен, опоясан стенами длиной 10 км и готов к обороне. Стаций Приск немедленно осадил Артаксату и вскоре взял её штурмом. Город был сильно разрушен, население перебито. Царь Бакур и его брат Мирдат бежали в Парфию. Наказание было суровым, но с точки зрения римлян, армяне заслужили это своим предательством [*Дион Кассий*. Римская история 71, 3–4].

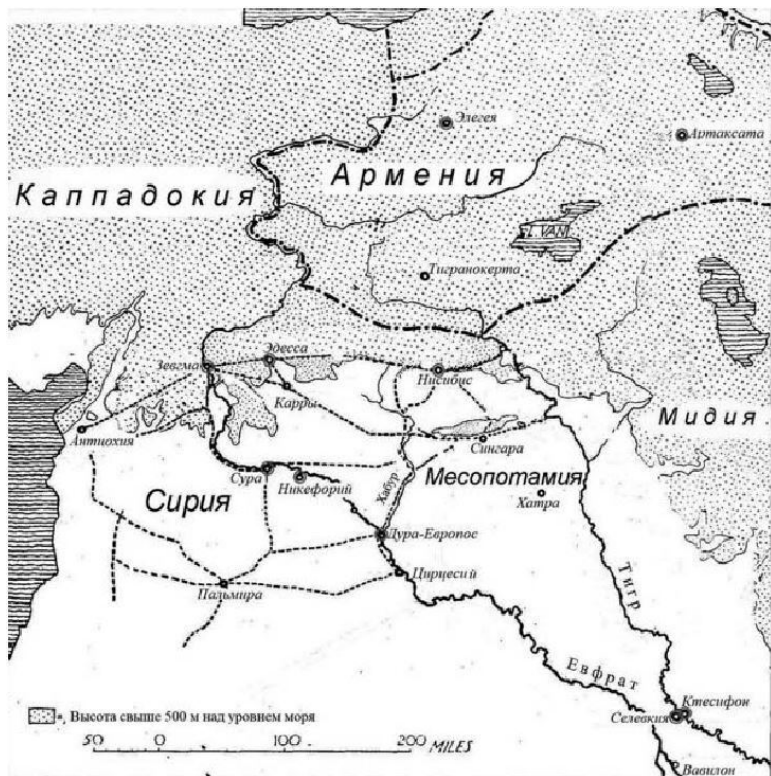
Северо-западнее Артаксаты Стаций Приск основал новую столицу Армении Койнеполис, где оставил гарнизоном вексиляции каппадокийских легионов XII *Fulminata* и XV *Apollinaris*. Собственно, Койнеполис уже существовал ранее и назывался Вагаршапатом, просто Приск счёл его удобным местом для новой столицы, укрепил и оставил там гарнизон.

Преследовать противника была отправлена нижнегерманская вексиляция: легион I *Minervia* p. f. Марка Клавдия Фронтоня и вексиляция легиона XXX *Ulpia Victrix*. Они далеко углубились в земли Закавказья, форсировали Куру, вторглись в Кавказскую Албанию и чуть ли не дошли до Каспийского моря.

После этого армия Марка Стация Приска вернулась в Каппадокию, откуда полководец сообщил Марку об обстоятельствах дела. На радостях Марк даже объявил Армению новой провинцией Рима.

Туда был возвращён старый/новый царь Гай Юлий Сохэм, который был к тому же римским сенатором и даже побывал консулом. Сохэм впервые стал армянским царём ещё в 141

году, будучи возведён на престол Антонином Пием. Сам он происходил из Эмесы. В 161 году парфяне изгнали Сохэма и поставили на его место своего ставленника Бакура (Пакура) из дома Аршакидов. Теперь Сохэм вернул себе трон под прикрытием вексилляций римских легионов.

Парфянская война 161–165 гг. Основные пункты. Ду-

ра-Европос перепутана с Цирцеием

Показательно, что коронация его происходила не в Армении, а в Антиохии или даже в Эфесе. В честь этого события была выпущена монета с девизом «*Rex Armeniis Datus*» («Царь, данный Армянам»), где Луций Вер сидит на троне в императорском облачении, а Сохэм, стоя перед ним, приветствует императора. Луций Вер также принял титул «Армянский».

В конце этого года Марк Стаций Приск, по всей видимости, умер, скорее всего, подхватив какую-то болезнь в Армении и новым наместником Каппадокии стал Публий Марций Вер (164–175 гг.). Марк Клавдий Фронтон, соответственно, стал легатом пропретором *exercitus legionarii et auxiliorum per orientem in Armeniam et Osrhoenam et Anthemusiam ductorum*, то есть, надо полагать, он получил командование всеми экспедиционными европейскими войсками в Каппадокии, Армении, Осроене и Антемузии в ранге дукса.

Пока Приск отбивал Армению, парфяне неожиданно напали на Осроену – вассальное Риму княжество за Евфратом, изгнали из Эдессы дружественного римлянам царя Маннуса и посадили на престол некоего Ваала, сына Сахру. По всей видимости, император Луций Вер, никак не желающий ехать на фронт, решил, что сложившаяся ситуация является прекрасным паритетом (размен Армении на Осроену) и попробовал провести переговоры с парфянами о мире, но не пре-

успел. Парфяне упорствовали. Миротворчество Вера оказалось пустым. Таким образом, и этот год не дал окончательного перевеса ни той, ни другой стороне.

Вопреки ожиданиям Марка Аврелия и других, в Сирии его соправитель продолжил свой вызывающий образ жизни. Большую часть времени Луций Вер проводил в Антиохии, лето – в роскошном антиохийском предместье Дафна, а зимовал в городе Лаодикее Приморской. Луций Вер предавался пирам, игре в кости и развлечениям, выписывал любимых актеров из Рима, постоянно интересовался делами своей ипподромной партии в Риме (Вер покровительствовал «зеленым» и даже взял с собой статую одной из лошадей этой команды – Волусера). Он даже инкогнито посещал ночью таверны и кабаки и затевал там драки. Ближайшими друзьями Луция Вера были не представители «золотой молодёжи» Рима, а вольноотпущенники. Одним из них был Луций Аврелий Никомед, служивший префектом *vehiculorum* и *cura corporum exercitus* (ответственный за армейское снабжение), за что он получил военные награды *hasta pura*, *vexillum*, и *corona muralis* от Луция. Этот уровень наград больше подходил военному трибуну или префекту кавалерии, а не прокуратору. Нельзя не задаться вопросом, что думали воины о вольноотпущеннике, получающем боевые награды. Что касается других, то это были вольноотпущенники Гемин, Агаклит, Кэдес и Эклект. Позже Агаклит отличился тем, что стал одним из немногих вольноотпущен-

ников, женившихся на патрицианке (по-видимому, с благословения Марка), в то время как Эклект позже сыграл заметную роль в убийстве Коммода.

В кружок друзей Вера входил и писатель Лукиан Самосатский, хотя он находился на периферии двора.

Может быть, Марк даже был рад похождениям Вера. Ничёмность сопровителя только оттеняла достоинства Марка, но, правда, некомпетентное вмешательство Луция Вера в военные дела в Сирии могло привести лишь к проблемам.

Однако, полностью доверять негативным оценкам и рассказам о Луции Вере мы, всё-таки, не можем. Лишь часть из этих свидетельств может заслуживать внимания. Но ведь были и положительные отзывы. Так, один из учителей Луция Вера, ритор Фронтон, состоявший во время этой военной кампании с ним в переписке, наоборот, утверждает, что его ученик был постоянно в курсе состояния армии, регулярно её инспектировал.

Марк тоже спокойно относился к поведению Луция Вера и даже женил его на своей четырнадцатилетней дочери. В 163 или начале 164 года Луций Вер был обручен с Луциллой, чтобы положить конец его разгульной жизни. Будущая невеста отправилась на Восток вместе с отцом и матерью – Фаустиной Младшей, но они доехали только до Брундизия, а дальше девушку сопровождал названный брат отца Луция Вера – Марк Ветулла Цивика Барбар.

Вер встретил невесту в Эфесе после чего вновь на

несколько месяцев ударился в празднования. Именно тогда в его окружении появился египетский авантюрист Эклект, будущий приятель и убийца императора Коммода. Ни дядя, ни 14-летняя невеста, очевидно, не смогли удержать молодого повесу от разгульной жизни.

Однако войну надо было продолжать и это делали полководцы Луция Вера, а точнее, поководцы Марка Аврелия.

Известие о смерти Марка Стация Приска позволило парфянам и армянам-инсургентам надеяться на перелом ситуации в Армении. Весной 164 года армия Пакора (Бакура) вторглась в Армению и попыталась вернуть её под свою власть. Однако Публий Марций Вер оказался достойным преемником Приска.

Происхождение и ранние этапы карьеры Марция Вера известно неточно. Возможно, он был родом из Толозы, но это предположение вызывает сомнение [*E. Dabrowa, The governors of Roman Syria from Augustus to Septimius Severus, Bonn, 1998, p. 227.*].

Первая документально засвидетельствованная его должность – это командование легионом V Macedonica в Нижней Мезии в 160 году [CIL 03, 06169]. Это означает, что Марций Вер к тому времени был сенатором и прошёл претуру. Последнее же означает, что ему было около 40 лет или даже больше. Наверняка Марций Вер принадлежал к патрицианской ветви древней фамилии Марциев, родственников Нумы Помпилия и Анка Марция.

Дион Кассий очень высоко оценивает Марция Вера, называя его не только хорошим полководцем, но и умным политиком, прекрасно разбиравшимся в людях и знавшим, когда и как подойти к любому. Он был очень настойчив и энергичен, и его противники предпочитали дружбу с ним вражде [Дион Кассий. Римская история. 71, 3,1].

Как Марций Вер оказался в Каппадокии, мы уже знаем. За заслуги во время этой войны он получил в награду должности консула-суффекта в 166 году и легата провинции Каппадокия (был им со 166 по 175 год). Интересно, что Марций Вер командовал войсками Каппадокии и в 164–166 годах, но легатом тогда быть не мог, поскольку не прошёл ещё консулат. Должность его называлась «дукс» и подчинялся он лично Луцию Веру, но кто был легатом провинции в эти годы и был ли таковой вообще, мы не знаем.

Так вот, летом 164 года Публий Марций Вер блестяще отразил атаку войск Пакора на Армению, разгромил противника, самого Пакора и его брата Мирдата взял в плен и отправил в Рим. Несомненно, главную роль в этом сыграл европейский корпус Фронтоня, почему в надписи он и назван командующим в Армении. Фронтон в итоге был награжден *coronae muralis, vallaris, classica* и *aurea*, а также четырьмя *hasta pura* и *vexillum*.

Проримский царь Сохэм во время вторжения, как всегда, сбежал в Каппадокию и назад вернулся уже в сопровождении некоего Фукидида, доверенного человека Марция Вера.

Была ещё середина года и на этот раз соправитель Луций Вер не хотел терять времени. Да и неудобно было перед Марком Аврелием и сенатом. Война шла уже три года, а решительного результата всё не было. И граждане Рима спрашивали, «чем там занимается император Луций Вер»? Поэтому, на сей раз он проявил решительность и приказал Марцию Вери помочь Сирийской армии в возвращении берегов Евфрата и всей Осроены.

Напомним, что на начало 164 года берег Евфрата оставался за парфянами. Их мелкие отряды разоряли восточную Сирию, прижав римлян к побережью. Зевгма, видимо, оставалась римской, но напротив неё были собраны крупные парфянские силы, так что прорыв в Осроену у Зевгмы был вряд ли возможен. Штаб Луция Вера решил нанести по Осроене охватывающий удар с севера и с юга.

С севера наносил удар Марций Вер и ему для этого требовался прямой приказ императора, ведь он выходил из сферы своей ответственности. Отсюда ясно, что это была не его инициатива, а приказ штаба Луция Вера.

На южном фланге Сирийская армия должна была захватить крепости Сура и Никефорий. Захват крепостей, по-видимому, был поручен Гаю Авидию Кассию. Вот когда произошёл решительный взлёт этого человека. Гней Юлий Вер был отозван Марком в Европу, а Авидий получил командование всей сирийской армией. Вообще-то, для этого он должен был стать официальным наместником Сирии. Но он

стал им лишь летом 166 года, сменив на посту отсутствующего Гнея Юлия Вера. Выходит, что в 164 году для Кассия был создан экстраординарный пост, скорее всего «дукс». Возможно, это было личное решение Марка Аврелия, уставшего ждать решительных действий в Месопотамии. Луций Вер мог имитировать войну ещё несколько сезонов, но в Европе уже нарастала тревога по поводу будущей Маркоманнской войны и надо было возвращать войска и полководцев на Дунай, Рейн и в Британию. Узнав об успехах Кассия в подготовке войск, Марк и определился с должностью командующего в Сирии.

Кассий немедленно произвёл во всех сирийских войсках то же жесточайшее укрепление дисциплины, что и ранее в своём легионе III Gallica. Вероятно, это заняло у него всю весну 164 года. Было улучшено и снабжение армии, для чего от Антиохии к Оронту был прорыт судоходный канал. И сам Оронт, в некоторых местах несудоходный из-за скал, тоже был пущен там в обход. Таким образом, новый Оронт стал судоходен. Работа была трудная и заняла много времени, скорее всего, весь 163 и часть 164 года. Занимались ею, несомненно, легионеры, что серьёзно дисциплинировало их. По словам Павсания (VIII, 29, 3), в одном месте из-за отвода обнажилось дно старого русла и там был обнаружен керамический гроб 11 локтей в длину, в котором нашли скелет человека 5-метровой высоты. Его объявили самим Оронтом, эпонимом реки. Что это было, неизвестно, однако обвинять

людей II века в том, что они спутали скелет мамонта или динозавра с человеческим, мягко говоря, некорректно.

Наступление Авидия Кассия началось от Антиохии. С ним были преторианцы Фурия Викторина, его бывший легион III Gallica, легион XVI Flavia Firma, а также II Adiutrix p. f., вексиляции VI Ferrata, X Fretensis, I Adiutrix p. f., X Gemina p. f., XIV Gemina, III Cyrenaica, III Augusta и вексиляция ауксильев Марка Валерия Лоллиана. Что касается легиона IV Scythica, то он вряд ли весь был снят из Зевгмы, уж слишком важной и опасной была эта позиция у лучшей переправы через Евфрат – единственного брода через эту реку.

Кассий очистил Сирию от мелких отрядов парфян и подошёл к Евфрату. Переправа, очевидно, была организована у Суры, поскольку дороги выводили римлян именно к ней. Армия Кассия подступила к стенам Суры. Крепость была взята после ожесточённого штурма. Остатки парфян бежали на левый берег Евфрата.

Для захвата переправы Авидий Кассий приказал изготовить множество понтонов. На часть из них установили башни с метательными машинами и лучниками, другую часть использовали для строительства понтонного моста. Метательные машины и лучники очистили берег от парфян. Римская армия переправилась на восточный берег Евфрата и двинулась на восток. В одном переходе ниже по Евфрату близ устья реки Балих находился Никефорий (Каллиник), гораздо более крупная крепость. Именно вдоль русла Балиха вой-

ска Кассия собирались идти на север на соединение с армией Марция Вера.

Парфяне были серьёзно деморализованы и ослаблены после сражений у Суры. Кассий воспользовался этим обстоятельством и сразу бросил свои войска на приступ Никефория. После кровавой схватки крепость была взята [*Фронтон. Письма II, 1*].

В этой кампании перед нами предстают новые герои, сыгравшие в будущем большую роль в истории Рима.

Прославившийся в боях под Сурой и Никефорием легат легиона II *Adiutrix* p. f. Квинт Антистий Адвент стал консулом-суффектом и получил в управление провинцию Аравия. Теперь он должен был прикрыть южный фланг будущего наступления. Надпись из Бостры [CIL 03, 00092] называет его консулом-десигнатом в связи с чем Энтони Бирли предполагает, что он занимал должность консула-суффекта, когда находился во вверенной ему провинции.

Вообще, Квинт Антистий Адвент Постумий Аквилин был родом из Африки. Надпись, обнаруженная на его малой родине в нумидийском городе Тибилис [AE 1893, 88] и посвященная Адвенту, позволяет реконструировать основные вехи его карьеры. Родился он примерно в 119 году в знатной семье, имевшей родство с древним плебейским родом Антистиев и патрицианским родом Постумиев. Поэтому Адвенту не пришлось начинать службу с центуриона, а высшие магистратуры оказались для него вполне открыты. Но Адвента

не в чем упрекнуть. Он везде показывал недюжинные способности, храбрость, самоотверженность и ум. Со 139 года Адвент находился на одном из постов низшей магистратуры вигинтивирата, затем (140–142 гг.) служил военным трибуном легиона I Minervia в Бонне. После этого Аквилин последовательно занимал должности квестора (144 г.), народного трибуна, претора (156 г.), был легатом при проконсуле Африки (157–158 гг.), пропретором Македонии (159–160 гг.), а в промежуток между ними был декурионом турмы римских всадников (145–146 гг.). После Македонии он получил под своё командование легион VI Ferrata (160–162 гг.), который возглавлял незадолго до начала и в начале Парфянской войны. Когда в Сирию прибыл легион II Adiutrix p.f., Марк Аврелий решил назначить его новым командиром именно Аквилина, хорошо показавшего себя на посту легата. Он был переведен в командиры легиона II Adiutrix Pia Fidelis, вероятно, в 163 году.

Аквилин был обильно награждён за героизм, проявленный во время войны с парфянами. Так, он получил два золотых венка: *corona muralis* и *corona vallaris*; три почётных копья (*hasta pura*) и два почетных вексиллума.

Там же отличился военный трибун II Adiutrix p. f. Публий Коминий Клемент, получивший венок за взятие стены (*muralis*) и почётное копье. Это была уже вторая милития всадника (162–164 гг.). В первую Коминий служил префектом когорты V Lingonum в Поролисской Дакии (159–161 гг.).

А после возвращения в Европу с Парфянской войны, он получил командование одной из лучших ал Реции I Singularium civium Romanorum Pia Fidelis, стоявшей в Целеузуме (165–167 гг.) [А.Е. 1890,151].

В начале этого года в Сирии появился Луций Юлий Вегилий Грат Юлиан. Заметим, что он был виднейшим представителем аристократии Пальмиры, полностью романизированным и игравшим заметную роль в римской политике. Его пальмирское происхождение засвидетельствовано в IGRR. III, 1037 (ср. 1536).

Он родился около 127 года и довольно поздно пошёл на государственную службу – первой из известных его должностей стало командование когортой III Augusta Thracum в родной Сирии (157–160 гг.).

33-летний сириец заслужил одобрение руководства и получил должность трибуна тысячной когорты I Ulpia Pannoniorum milliaria equitata в Верхней Паннонии (161–163 гг.). Там Грат тоже хорошо себя зарекомендовал и удостоился упоминания в надписи от самого легата провинции Марка Нония Макрина, правда с преноменом «Тит», а не «Луций». Видимо, это просто ошибка резчика или мы не знаем полного имени Грата.

У Грата не было серьёзного боевого опыта, поэтому следующее назначение он получил на Парфянскую войну. Можно предположить, что хорошо проявивший себя Грат был направлен в Сирию вовсе не случайно. Очевидно, Марк на-

деялся через него мобилизовать аристократию Пальмиры и удержать её от перехода на сторону Парфии. Луций Грат стал префектом сирийской алы I *Thracum Herculiae* (164–167 гг.), входившей в состав конной *вексилляции* Лоллиана, если, конечно, она не была расформирована к концу этого года. С этой алой он принял участие во взятии Суры и Никефория, и в решающем наступлении армии Авидия Кассия на Ктезифон, за что получил отличие *donum militaria*. А Пальмира, кстати, осталась верна Риму.

Препозит Дакийской *вексилляции* Гай Юлий Коринфиан, о котором мы уже упоминали, за боевые действия в ходе Парфянской войны был награждён *corona muralis*, *hasta pura* и *vexillum argenteum*. Очевидно, в конце 164 года он покинул Сирию. Коринфиан получил пост префекта алы I *Hispanorum Campagonum s. R.* и уехал в Верхнюю Дакию. И с ним мы ещё встретимся, как и с другими героями Парфянской войны.

Тем временем, с севера на Осроену начал наступление Публий Марций Вер. Теоретически у него было 4 почти полных легиона: I *Minervia p. f.*, V *Macedonica*, XII *Fulminata* и XV *Apollinaris*, а также *вексилляции* германского XXX *Ulpia Victrix* и британских II *Augusta*, VI *Victrix p. f.*, XX *Valeria Victrix* легионов. Плюс *ауксиллии*. Часть сил он должен был оставить в Каппадокии и Армении. В последней, по нашим данным, стояли *вексилляции* XII и XV легионов, видимо, с частью *ауксилией*. Несомненно, ещё часть воинов эти леги-

оны оставили охранять свои крепости. Таким образом, два каппадокийских легиона вряд ли были больше половинного состава. Часть каппадокийских ауксилией тоже, несомненно, осталась на месте. Более того. Не исключено, что каппадокийские войска и вовсе не участвовали в этом походе. Ведь в посвяtitельной надписи Марку Клавдию Фронту сказано, что именно он командовал войсками в Осроене и Антемузии. А ведь Фронту подчинялись только европейские экспедиционные войска. Всего, у Клавдия Фронта, таким образом, было около 16 тысяч легионеров и столько же ауксiliarиев, но, скорее даже меньше.

Марций Вера или Клавдий Фронтон (или оба) со своей армией двигался по короткой дороге от Самосаты на Эдессу. Эта местность называется Антемузия и столицей её была Батна в 45 км к юго-западу от Эдессы. Надо полагать именно в Батне армия Марция Вера/Клавдия Фронта соединилась с IV Scythica легионом, подошедшим из Зевгмы. Это увеличило армию Вера примерно на 5–6 тысяч воинов, если учитывать ауксiliarии и то, что часть легиона осталась в Зевгме.

Парфянские войска выступили из Эдессы к местечку Даусара. Местоположение этой Даусары пока не установлено, но это, несомненно, была не та Даусара, которая расположена на Евфрате намного южнее. Командовал парфянской армией Хозрой, но численность её неизвестна. При Даусаре состоялась битва, о деталях которой ничего не известно. В результате сражения парфяне были разгромлены Марцием Ве-

ром/Клавдием Фронтоном, а сама Даусара взята римлянами.

Марций Вер/Клавдий Фронтон двинул войска к Эдессе и немедленно осадил её. Хозрой благоразумно не стал запираить свою разбитую армию в Эдессе и отошёл к Нисибису. Однако, тем самым парфянский полководец ослабил гарнизон Эдессы. Жители города, симпатизировавшие римлянам, быстро воспользовались этим. В Эдессе началось восстание и парфянский гарнизон просто вырезали. Армия Марция Вера/Клавдия Фронтоня торжественно вступила в освобождённый город. Вместе с ней туда вернулся и царь Эдессы Маннос III (Масну VIII). а парфянский назначенец Ваал исчез.

Затем Нисибис, жители которого недавно сами отвергли союз с римлянами, оказался сразу в двойном враждебном окружении: снаружи ему угрожали войска Марция Вера, осадившего город, а изнутри эпидемия. Вероятно, это была первая вспышка знаменитой чумы, хотя и необязательно. Очевидно, именно эпидемия вызвала волнения в парфянских войсках, испугавшихся смертельной болезни и бросивших город на произвол судьбы. Проскакав 120 км, Хозрой и его солдаты спасли себе жизнь, вплавь перебравшись через Тигр. Сам полководец даже какое-то время отсиживался в горной пещере, видимо, опасаясь римской конницы, пока не был вызван Вологезом для того, чтобы остановить Авидия Кассия.

Публий Марций Вер или Марк Клавдий Фронтон, при-

няв капитуляцию Нисибиса, благоразумно не стал входить в заражённый город, а двинулся дальше на восток, преследуя парфянскую армию. Впрочем, вряд ли Марций Вер/Клавдий Фронтон переходил Тигр. Вероятно, он зазимовал где-то на западном берегу этой реки, вот только где? Прокормить армию можно было только в населённой местности. Скорее всего, римляне вернулись в Эдессу, не случайно, кампания следующего года началась очень поздно – им понадобилось время, чтобы вернуться.

Сирийская армия Гая Авидия Кассия зимовала в районе Никефория, прикрывшись реками Евфрат и Балих.

Из участников этого похода, кроме префекта претория Тита Фурия Викторина, был награждён препозит «вексилляции конницы Нижней Мёзии и Дакии» Луций Паконий Прокул. У него закончился срок милитии и Прокул отправился в Мавретанию Цезарейскую, где получил пост префекта алы I Augusta Parthorum (165–167 гг.).

После этого успеха римляне не предпринимали активных действий в Осроене до начала 165 года. Они готовились вторгнуться вдоль реки в сердце парфянских владений в регионе – захватить Селевкию и Ктезифон.

Как раз в это время к штабу Луция Вера в Антиохии присоединился Марк Яллий Басс, завершивший срок наместничества в Нижней Мёзии. Он был опытным военным и управленцем. Должность Яллия называлась comes Augustorum Parthicae expeditionis (*CIL* 12. 2718). Возможно, Марк Авре-

лий прислал Яллия чтобы поторопить Луция Вера с окончанием войны, но она и так уже приближалась к финалу.

В 165 году началось решающее наступление римлян в этой войне. Оно началось поздно, очевидно у римлян возникли проблемы с продовольствием или нехваткой кораблей. Поэтому пришлось потратить первую половину года на подготовку. Летом Авидий Кассий двинул Сирийскую армию от Суры и Никефория к Балиху. По словам Евтропия, армия Авидия Кассия насчитывала 40 тысяч человек.

Форсировав Балих по заранее наведённым мостам, армия Авидия Кассия направилась по берегу Евфрата к важной крепости Дура-Европос, где её уже ожидала 40-тысячная армия Хозроя.

Одновременно, по берегу Тигра на юго-восток выступила каппадокийская армия Публия Марция Вера. Подробности нам неизвестны, но она должна была переправиться через Тигр и двигаться по его восточному берегу. Скорее всего, Марций Вер наступал почти беспрепятственно. Все парфянские войска были заняты борьбой против Авидия Кассия.

У Цирцезиума Авидий Кассий переправился через Хабур, откуда было уже недалеко до Дура-Европос. Отметим, что римляне шли по восточному берегу Евфрата, а Дура находилась на западном, так что для них она была за рекой. Битва при Дура-Европос с армией Хозроя только упоминается у Лукиана и никаких подробностей о ней неизвестно. Известно, что римляне одержали победу. Она была настолько убе-

дительно, что больше мы ничего не слышим о парфянской армии. Один из тогдашних историков сообщал о немыслимых потерях с парфянской стороны в 70236 человек (в обмен на двух убитых и семь раненых с римской стороны), чему уже Лукиан не верил и о чём сообщал с большим пренебрежением. Тем не менее, потери парфян наверняка исчислялись десятками тысяч человек. Лукиан упоминает погоню и «ужасную резню». Дура была взята десантом с кораблей и с тех пор стала передовым пунктом римского влияния на земли Месопотамии. Там был оставлен большой гарнизон.

Армия Кассия, между тем, двинулась на юг. Конечно, разведчики наступающей армии поддерживали связь с парфянами, и знали, где они и каково их состояние. Там, где Евфрат меняет свое течение на восток, римляне прошли укрепленные острова Тилабус (Тельбис) Кифрин и Изан, находившиеся под контролем Пальмиры. Ещё дальше к юго-востоку Евфрат и Тигр сближаются между собой на 45 км. Именно там находились парфянские столицы Селевкия и Ктезифон. Римляне подошли к Селевкии-на-Тигре (бывшей столице государства Селевкидов, населенной преимущественно греками и имевшей широкое самоуправление при парфянах), где их встретили вполне дружелюбно. При приближении римлян город открыл ворота. Было это, где-то, в октябре-ноябре 165 года.

На другом берегу Тигра находился Ктезифон. Римляне пересекли реку на кораблях. То ли они перешли из Евфрата

в Тигр по каналу, то ли корабли предоставила армия Марция Вера. Ктезифон был взят, разграблен, жители проданы в рабство, а царский дворец и многие другие здания преданы разграблению. Вологез III успел бежать из Ктезифона в Экбатаны.

Вскоре после взятия Ктезифона, по не вполне ясным причинам, Селевкия также была разрушена и разграблена римлянами, а уцелевшие граждане обращены в рабов. Говорили, что при этом погибло 300000 человек, половина прежнего её населения. Некоторые авторы считают Кассия виновным в нарушении договоренностей, однако многие другие, включая историка Парфянских войн Азиния Квадрата, утверждают, что жители Селевкии первыми нарушили мирное соглашение. Возможно, что пропарфянская партия в Селевкии тогда одержала верх над проримской. Дело в том, что селевкийские греки контролировали всю внешнюю торговлю Парфии на западном направлении. Однако, теперь Вологез мог отрезать Селевкию от восточной торговли, и местные купцы спровоцировали мятеж против римлян.

Авторы «Истории Августов» тоже утверждают, что селевкийцы первыми нарушили некий договор, поэтому легионы, среди которых были III Gallica и VI Ferrata (судя по победным монетам), получили приказ штурмовать город. Большая его часть была разрушена огнем. Данные, полученные во время раскопок в Селевкии, позволяют предположить, что это нападение произошло приблизительно в декабре 165

года, причем город подвергся меньшим разрушениям, чем прежде предполагали.

Однако символ Селевкии – знаменитая статуя Аполлона, была вывезена тогда в Рим и установлена на Капитолии. Селевкия, которую до этого античные писатели уважительно называли «метрополисом», после этих событий пришла в упадок и более не восстановилась.

По легенде, во время грабежа города и храма Аполлона, римские воины увидели в стене некую щель, расширили её, нашли в нише золотой ящик халдейских колдунов, который один из воинов неосторожно разрубил. Из сундука вырвался тлетворный дух, от которого распространилась болезнь – как наказание за осквернение храма и уничтожение города [Аммиан Марцеллин. История. XXIII, 6, 24; Юлий Капитолин. Вер VIII].

Точно известно одно: именно после взятия Селевкии и Ктезифона в войсках началась эпидемия чумы (а точнее, оспы), распространившаяся затем по всей Римской империи и свирепствовавшая в отдельных местах до 189 года.

Тем временем, каппадокийская армия Марция Вера, не дойдя до Ктезифона, повернула на северо-восток и двинулась в Мидию через Ниневию и Арбелу.

Насколько далеко она там зашла, неизвестно, скорее всего Вер прошёл Атропатену, потом Мидию и повернул на северо-запад в Армению. Вероятно, это была та самая экспедиция, которая продвинулась в восточном направлении доста-

точно далеко, чтобы Вер мог выпустить монеты с легендой L. VERUS AUG. ARM. PARTH. MAX. MEDIC («Луций Вер Август Армянский Парфянский Величайший Мидийский»).

Эпиграфика и письма Фронтоня предоставили нам возможность узнать имена нескольких незнатных героев этой войны, простых римских солдат. Так, Гай Дидий Сатурнин, *primus pilus*, который позже служил под командованием Марка на Дунае, был награжден Луцием Вером торквесами и армиллами за участие в *bellum Parthicum* [CIL XI, 7264]. За участие в *expeditio Armeniaca felicissima* военный трибун-латиклавий Юний Максим получил *corona muralis* и *vallis*, *hasta puris* и *vexillum* (дважды), а также был назначен человеком, который должен доставить увенчанную лавром депешу с известием о победе над парфянами в Рим [Fronto, *Ad Amicos* 1.6.]. Точно так же Гай Титурний Квартин, всадник легиона III *Gallica*, отличившийся в Селевкии, был награжден торквесами и армиллами Луцием Вером. Между прочим, Квартин прослужил в армии целых 35 лет, если предположить, что резчик по камню не ошибся [AE 1913, 48.]. Тит Валерий Марциан, получивший почётную отставку (*honesta missio*) от легиона V *Macedonica* в 170 году, записал свое участие в *expeditio orientalis* «при Стации Приске, Юлии Севере [и] Марции Вере», то есть, в Каппадокийской армии [CIL III, 7505].

В начале 166 года, Авидий Кассий начал отступление из Месопотамии, вызванное, в немалой степени, распростране-

нием эпидемии в войсках. Ему нужно было пройти почти 1300 км по пустынным жарким землям, а ведь армия несла в себе ещё и заразу. При этом отходе армия Авидия Кассия понесла, наверное, большие потери, чем в самой войне. Вся дорога была усыпана телами умерших от голода и болезни, а также брошенным имуществом. Римлянам ещё повезло, что их никто не преследовал. Однако же, Авидий Кассий вывел армию из Месопотамии и к весне привёл её в Сирию.

Луций Вер был доволен. Победа была одержана. Той же весной к нему прибыли послы от Вологеза и заключили мир, признав возвращение Риму Армении и Осроены, а также передачу ему важной крепости Дура-Европос. Теперь у Рима был опорный пункт на полдороге к Ктезифону.

Интересно, что именно в 166 году прибыло первое римское посольство в далёкий Китай. Оно было послано императором Антонином, что подразумевает Марка Аврелия Антонина. Посольство отправилось на корабле по Красному морю, Индийскому океану, через Индонезию во Вьетнам, а оттуда в Китай. Китайская летопись «Хоу Ханьшу» (глава 88) сообщает: «Царь этого государства всегда хотел вступить в дипломатические отношения с ханьцами. Но Парфия («Анси») хотела торговать с ними ханьским шелком и поэтому чинила им препятствия, чтобы они никогда не могли иметь прямых отношений [с Ханью]. Это продолжалось до девятого года правления Яньси императора Хуаня (166 год), когда Андун (Антонин), царь Да Цинь (Рима), прислал посланни-

ка из-за границы Ринана, который предложил слоновий бивень, рог носорога и панцирь черепахи. Только тогда впервые была установлена связь [между двумя государствами]».

То, что римляне предложили императору чисто восточные подарки, может говорить о том, что они потеряли свои первоначальные дары во время кораблекрушения или атаки пиратов. Это заставило китайцев подозревать посольство в сокрытии истинных даров, однако они были приняты, поскольку император Хуань тогда нуждался в повышении престижа.

Таким образом, можно предположить, что, воспользовавшись громкой победой над Парфией, Марк решил наладить прямую торговлю с Китаем по морю в обход парфянской таможни. Удалось ли ему это, мы не знаем. К тому же, может быть, что «посольство» было всего лишь обычными купцами, выдававшими себя за послов.

Летом Луций Вер с европейскими вексилляциями отбыл в Рим, Публий Марций Вер и Гай Авидий Кассий стали консулами, а затем легатами Каппадокии и Сирии.

В Европе назревала новая война, намного опаснее Парфянской. Первые вспышки её начались ещё в 162 году, когда хатты попытались напасть на Германские провинции. Тогда это обошлось для Рима довольно благополучно, благодаря решительным и умелым действиям Ауфидия Викторина.

Да ещё в Британии уже со 160 года шла своя война против бригантов и кале-донцев в районе между стенами Антони-

на и Адриана. Вряд ли стоит связывать войны в Британии с Маркоманнскими, там никакого давления центральноевропейских племён пока не замечено, но римские силы, причём большие, войны с бриттами оттягивали. Мы уже упоминали, что после срочного отъезда из Британии Стация Приска с большой вексилляцией, его заменил другой опытный легат – Секст Кальпурний Агрикола. Он происходил из знатнейшего патрицианского рода Кальпурниев и проявил себя способным полководцем. Ранняя карьера Агриколы, к сожалению, неизвестна. В 154 году он был консулом-суффектом, то есть не исключено, что родился Кальпурний в 112/113 году. В 155–161 годах Агрикола был наместником Верхней Германии, где продвинул римскую территорию довольно далеко на восток, прикрыв свою аннексию новым Фордерен-лимесом. Этот лимес оказался пределом продвижения Рима в Германии.

Вообще-то, Кальпурний в качестве наместника Верхней Германии известен пока только по одному упоминанию 158 года, но мы склонны считать, что он управлял ею до 161 года. Осенью 161 года он отправился в свою новую провинцию Британию с кавалерийским подкреплением из Германии. В 161–166 гг. он был легатом Британии, где тоже построил много крепостей. Для борьбы с восстанием он окончательно отказался от передовой линии вала Антонина на юге Шотландии, отведя силы на юг, к валу Адриана. Он отремонтировал эту укрепленную линию и остальные укреп-

ления, например, в Кории (Корбридже). О боевых действиях его в Британии свидетельствуют повреждения форума в *Viroconium Cornoviorum* и сожжение значительной части Ветуламия. Это говорит о глубоком прорыве бригантов на юг. Тем не менее, Агрикола сумел стабилизировать ситуацию.

Римские дунайские провинции в начале Маркоманнских войн в 167/68 г. н. э. с информацией о наместниках и местах расположения легионов

Примерно в 167–168 годах Агрикола возглавлял полевую армию Марка Аврелия на Дунае в ранге, комита, а в 169 году стал легатом Нижней Мёзии. То есть, на протяжении по-

лутора десятков лет Кальпурний Агрикола непрерывно возглавлял самые опасные пограничные провинции Рима. В 169 году Кальпурний, кажется умер от чумы.

Вернёмся чуть назад. В 165 году задунайские племена начали первые попытки прорыва на римскую территорию. Пока они сдерживались войсками на лимесе и ловкой политической легатов, но разведка определённо докладывала Марку Аврелию о подготовке масштабного вторжения на следующий год. Задунайские племена, несомненно, знали об уходе больших сил римской армии на Восток и о больших потерях, которые они там понесли. Давление же готов, бастарнов, карпов, вандалов, лангобардов с тыла вынуждало маркоманнов, квадов, даков, языгов и других приграничных жителей действовать решительно, ведь терять им было нечего. Пришельцы с севера и востока просто уничтожили бы их, а прорвавшись на римскую территорию, даже силой, они имели шанс уцелеть или, даже, усилиться. Сами готы и вандалы попадут в подобную же ситуацию через двести с лишним лет. Рим уже не вызывал у варваров страха, несмотря на победы на Востоке. За 50–60 лет относительного мира задунайские племена забыли страх перед легионами, а миролюбивые римские императоры не поняли, насколько важно постоянно демонстрировать военное превосходство и ослаблять вражеские племена регулярным избиением их воинов. Теперь задунайская варварская горячая молодёжь считала римлян слабыми и нерешительными, изнеженными людьми,

которых можно победить несмотря на их организацию, оружие, доспехи и укрепления.

Маркоманнские войны не были обычным столкновением римлян и варваров. Они открыли новый этап во взаимоотношениях Империи с племенами. Система буферных государств на левом берегу Дуная, представлявшая собой сферу культурного, политического и экономического влияния римлян в варварском мире, оказалась неспособной сдержать движение новых народов к пределам Империи. Под их давлением они сами начали совершать вторжения на территорию Рима и обнаружили свои собственные интересы и свою внешнюю политику. Название войн, данное им римлянами, говорит о том, что римляне считали самыми опасными врагами именно маркоманнов, германский народ свевского корня. Вторым по силе врагом были родственные маркоманнам квады, предки баваров, третьими – сарматы-языги. Остальные враги были представлены либо мелкими племенами, либо частями крупных союзов племён типа лангобардов, бастарнов и вандалов. Археология подтверждает давление на приграничные племена народов Восточной Европы. Так, Бёме пишет (s. 212): «Неоднократно цитируемое римскими авторами давление, которому подвергались жившие на Дунае племена маркоманнов и квадов со стороны их северных соседей, начавших переселяться, по-видимому, отражается и в археологических находках. Й. Тейрал смог идентифицировать броши, поясную фурнитуру, браслеты и керамические

формы пшеворской культуры, которая в основном базируется в Польше, на моравских и словацких кладбищах II века. Он не считает случайным, что эти пшеворские элементы появились как раз во время Маркоманнских войн, когда можно предположить инфильтрацию соответствующих групп населения с севера. Исследования К. Годловского также создают впечатление, что после фазы внутренней колонизации носители пшеворской культуры продвинулись преимущественно в юго-западном направлении за Моравские ворота в Моравию и Словакию. Пока невозможно с уверенностью сказать, каковы были масштабы этих предполагаемых перемещений населения».

Но продвижение к среднему Дунаю, по-видимому, имело место не только из района Одера-Вислы, где в основном были представлены вандалы. Давление шло также из эльбской области Богемии, Саксонии и Бранденбурга, а также из Шлезвиг-Гольштейна и южной Дании. Картографирование римских мечей с кольцевыми набалдашниками и кольчуг в могилах германских воинов и жертвенных находках конца II и начала III веков, сделанное К. Раддацем, дает показательную картину в этом отношении. Это оружие, несомненно, является добычей Марко-манских войн, которую привезли германские ветераны войны, вернувшиеся домой и которая чуть позже была положена вместе с ними в могилы.

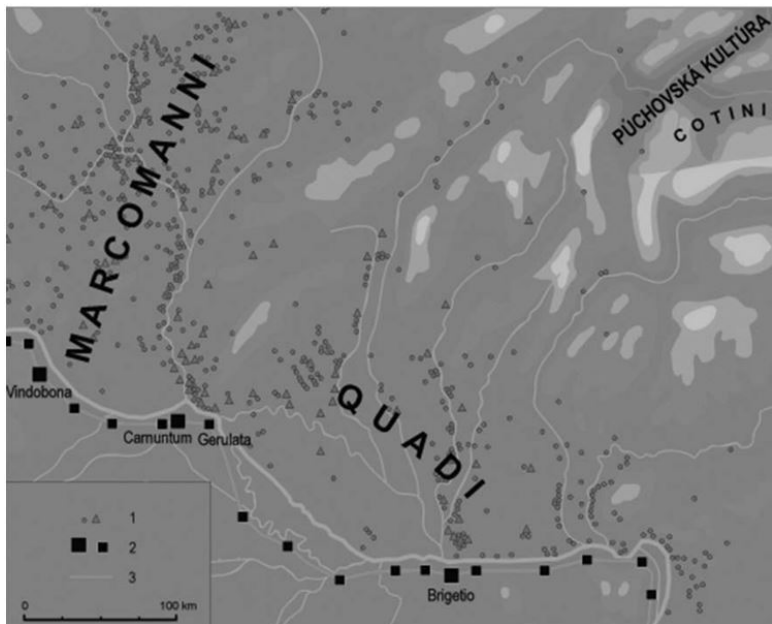
Набеги внутригерманских воинов, направленные в то же время в сторону юго-западной Германии, можно даже рас-

смаатривать как первых предвестников народов, появившихся несколько десятилетий спустя как алеманны. Поэтому не должно быть совпадением то, что именно в это время потрясений было положено начало формированию крупных германских племен, которые появились в письменной традиции в III веке как франки и алеманны.

Серьёзно обеспокоенный, Марк Аврелий в июне 165 или 166 года решился на очень значимый шаг – он начал набор сразу двух новых легионов. Они были названы II Pia и III Corsors и набирались, в основном, в Италии, почему вскоре и были переименованы, получив названия II Italica и III Italica. Ответственными за набор были Гней Юлий Вер, которого отозвали из Сирии, и Тиберий Клавдий Прокул Корнелиан. Время создания легионов определяется эмблемой II Italica – капитолийской волчицей, зодиакальное время которой приходилось на 29 мая – 18 июня. Впрочем, считается, что знаком зодиака этого легиона был Козерог, а это переносит время набора легиона на зиму. Сборный пункт новых легионов находился в Аквилее, ясно показывая направление будущих военных действий. Последний раз два новых легиона набирал Траян, но с тех пор Рим и потерял два легиона, поэтому, по сути, Марк лишь восстанавливал оптимальную численность легионов, принятую к концу I века. Денег и людей у него должно было хватить, ведь многие годы Рим лишь богател, а потери и расходы последней Парфянской войны должны были быть быстро компенсированы трофеями.

Очевидно, ситуация выглядела настолько угрожающей, что Марк Аврелий срочно вызвал европейские войска из Сирии на родину. Однако, они выступили из Ктезифона и Селевкии только в начале года, в Сирию прибыли к весне, понеся по пути огромные потери от чумы и голода, а в Италию войска прибыли лишь к осени 166 года.

Победа на Востоке была отпразднована пышно. Оба императора были удостоены титула *pater patriae* (отец Отечества) и им была предложена гражданская корона или *corona civica* (первоначально присуждалась римским воинам за спасение жизни гражданина). Луций Вер удостоился чести триумфа. Значение этого нельзя недооценивать; как заметил Плутарх уже в начале второго века, Вентидий Басс – единственный человек до настоящего времени, который когда-либо праздновал триумф над парфянами. (Плутарх. Антоний 34.5). Теперь таких римлян стало двое. Согласно Авторам Жизнеописаний Августов, Вер тактично попросил Марка присоединиться к нему и тот согласился. Это было необычно, но соответствовало только что установленному принципу совместного правления. Также Луций Вер потребовал, чтобы оба сына Марка (Коммод и Марк Анний Вер) получили титул Цезаря. Со стороны Луция Вера это было благородно. Триумф был отпразднован в Риме 12 октября.

Поселения маркоманнов и квадов за Дунаем

Несомненно, Марк пригласил на триумф своего друга Гая Ауфидия Викторина, только что завершившего наместничество в Верхней Германии. На следующий год легатом Верхней Германии называется уже Луций Дасумий Туллий Туск (167–170 гг.?), происходивший из знатного патрицианского рода Туллиев.

Он родился около 121 года и начал свою карьеру уже при новом тогда императоре Антонине Пие в 138/139 го-

ду в качестве монетного триумвира. Видимо, тогда же, Туллий Туск стал членом жреческих коллегий авгуров и товариществ (*sodalist comes*) Адриана, а позже и Антонина Пия.

Около 141–143 годов Дасумий служил трибуном-латиклавием легиона IV *Flavia Felix* в Верхней Мёзии.

Около 148 года Дасумий Туск стал квестором, а затем легатом при проконсуле Африки (149–150 гг.).

Дальше Туск, как положено, прошёл ступени народного трибуна и претора, после чего отслужил год префектом эрария Сатурна (казны Сената). Несомненно, тогда он уже стал авгуром. А вот год консульства Туллия Туска неизвестен. Конечно, он был суффектом и, скорее всего, примерно, в 162 году.

После этого, в 163–165 годах, Туллий Туск был пропретором Верхней Паннонии. Однако, его военный опыт был минимальным, а ведь в Паннонии назревала грозная война. Поэтому Марк Аврелий убрал Туска из этой провинции, заменив его на более опытного в военном деле Марка Яллия Басса. Туска же направили в Верхнюю Германию, которая считалась спокойной провинцией (*CIL IX, 3365*).

Слухи о возвращении войск на Дунай и набор новых легионов, очевидно, напугали варваров и 166 год на Дунайской границе прошёл спокойно. Мы имеем два военных диплома из Реции (*CIL XVI, 121* и *RMD I, 68*), выданных в марте-апреле 166 года, в которых указаны все ауксии этой провинции, кроме алы I *Hispanorum Auriana*. Выходит, что тогдаш-

ний прокуратор Реции Тит Дестиций Север (165–168 гг.) мог позволить себе увольнение ветеранов практически всех своих ауксилиев. Значит, на границе всё было спокойно. Более того, у нас есть новый ретийский диплом от 13 января 167 года, где также отсутствует ала I Hispanorum Augusta. Это может означать лишь одно – ала ещё не вернулась из Сирии. Похоже, что после триумфа войска остались зимовать в Италии. Действительно, триумф состоялся 12 октября 166 года. Даже если бы войска выступили на следующий день, что весьма и весьма сомнительно, они подошли бы к Альпам не раньше последних чисел октября. К этому времени альпийские перевалы были бы уже занесены снегом. Напомним, что Ганнибал переходил Альпы в октябре, при этом шёл уже по снегу и потерял множество людей и животных.

Так что, вряд ли Марк стал бы отправлять истощённые тяжёлой войной и эпидемией войска в дальний путь через заснеженные перевалы. Наверняка они зимовали в Италии. Чума тогда ещё не распространилась по Апеннинам. Юлий Капитолин пишет (Вер VIII) о весёлой и разгульной жизни Луция Вера на новой вилле к северу от Рима в 3 км к северо-западу от Мульвиева моста. На 5 дней к нему в гости приезжал и Марк Аврелий. Сомнительно, что они вели бы себя так во время чумы. По-видимому, сыграло свою роль холодное время года.

Вряд ли все европейские войска, участвовавшие в Восточном походе, пришли в Италию для триумфа, но, наверняка,

всё же, значительная их часть.

Варвары же, не дождавшись прихода римских подкреплений из Парфии, осмелели и решили провести разведку боем.

Первый, несомненно, разведывательный рейд варваров, имел место в самом конце 166 или начале 167 года. 6000 лангобардов и обиев (не путать с убиями) переправились через Дунай, очевидно, по льду и вторглись в Верхнюю Паннонию близ Бригенциона.

Конечно, варвары не могли не знать, что в Бригенционе стоит заслуженный боевой легион I Adiutrix Pia Fidelis, но это местные германцы. А вот пришлые с севера лангобарды и обии вряд ли знали об этом. То, что на их землю пришли, хоть и родственные, но чужие племена, вряд ли могло понравиться квадам и мар-команнам. Поэтому они могли согласиться пропустить пришельцев через свои земли для войны с Римом, но при этом «забыть» предупредить их о близости легионного лагеря. Это одна версия. Можно предположить и другое. Например, вторжение организовал умный и хитрый царь маркоманнов Балломарий (Вели-мер?). В разведку боем он послал пришлых воинов, чтобы оценить возможности римлян и сбереечь своих воинов. Правда, неизвестно, согласились ли бы на такое вожди лангобардов и обиев.

В общем, мы не знаем, почему германцы перешли Дунай именно там. Однако, помощь легиона римлянам даже не понадобилась. Легат Верхней Паннонии Марк Яллий Басс держал наготове свои ауксиллии. Их возглавляли: Марк Макри-

ний Авит Катоний Виндекс, вероятно префект тысячной алы I *Ulpia contariorum milliaria* с. R., стоявшей в Аррабоне и являвшейся ближайшей алой к участку прорыва, и некий Кандид, ближе неизвестный. Кандид мог быть префектом когорты I *Thracum equitata civium Romanorum*, стоявшей в Ад Стауас совсем рядом с местом прорыва.

Вместе эти ауксии давали всего 1300 воинов, но нужно учитывать силу удара алы катафрактариев. Это была мощная часть, способная разметать слабо организованную пехоту германцев.

Дальше события развивались следующим образом. Как только варвары переправились через Дунай и ринулись грабить паннонские селения, на них дружно ударила тяжёлая кавалерия Виндекса. Избываемые германцы бросились бежать, у реки начали было собирать силы, но тут подоспела пехота Кандида. Противник был опрокинут её ударом и в панике бежал за Дунай.

Есть, правда, и другая трактовка событий этого прорыва. У нас она представлена Колосовской по материалам Дитца, Альфёльди и Цвиккера. В этом варианте, германцы прорвались на юг до Флорианы и Горсиума, то есть, километров на 80. Их перехватили в Горсиуме ауксии из верхнепаннонских Аррабоны и Азаума, и нижнепаннонских Кампоны и Матрика. В этом случае, Виндекс и Кандид были препозитами нескольких ауксий каждый. Во втором случае и потери германцев были больше, ведь им пришлось отступить далеко

на север.

Хотя Виндекс и Кандид не пересекали реку, германцы были так напуганы серьёзным поражением, что немедленно отправили к Яллию Бассу в Карнунт посольство из 11 вождей племён, участвовавших в прорыве границы, во главе с царём маркоманнов Балломарием. Послы дико извинялись и клятвенно обязались соблюдать мир, после чего вернулись домой [*Пётр Патрикий*. фр. 6].

Таким образом, мы видим, что на самом деле, в нападении участвовали не два племени, а целых одиннадцать, среди которых большинство представляли, конечно, лангобарды и обии. Но там были и маркоманны, иначе Балломарий не принял бы участие в посольстве. Наверняка были квады, свевы, бойи. Об остальных сказать трудно.

Ала I *Ulpia contariorum milliaria* с. R.

Марк Макриний Авит Катоний Виндекс был опытным военачальником. Он уже побывал префектом когорты VI *Gallorum* (157–159 гг.), место дислокации которой, правда, пока совершенно неизвестно. Поэтому специалисты считают, что резчик надписи, описывавшей *cursus honorum* Виндекса, ошибся и не прорезал одну палочку в номере когорты. Таким образом, в реальности Виндекс командовал когортой VII *Gallorum* в Сирии (менее вероятно V *Gallorum* в Брита-

нии). Затем Виндекс отслужил милицию военным трибуном легиона VI Victrix p.f. в Британии (160–162 гг.), где получил хороший боевой опыт. Примерно в 163–165 годах Виндекс командовал алой III Augusta Thracum sagittariorum civium Romanorum, стоявшей в Одиавуме в Верхней Паннонии. В 166 году Виндекс принял командование только что вернувшейся из Сирии алой I Ulpia contariorum milliaria, вставшей совсем рядом с Одиавумом в Аррабоне. Это была уже четвёртая его милиция и то, что Виндекса оставили в Верхней Паннонии, говорит о том, что Марк уже ожидал войны и начал собирать в наиболее опасном месте лучших командиров.

После сражения при Бригенционе Марк Макриний Авит Катоний Виндекс пошёл в гору, возможно, участвовал в обороне Аквилеи, получил три золотых копья и согона muralis, примерно в 168–169 годах был прокуратором Дакии Мальвензис, в 170 году был выдвинут самим императором на должность претора, став, таким образом, сенатором, а в 171 году получил пост легата Верхней Мёзии. В 175 году Виндекс стал пропретором Нижней Мёзии и консулом-суффектом. На этом посту Виндекс пал в бою.

Второй участник событий, описанных нами – Кандид, затерялся в истории и нам о нём ничего не известно.

Поражение варваров было серьёзным и на какое-то время они затихли, заключая новые союзы и накапливая силы. Таким было начало знаменитых Маркоманнских войн.

Тем временем, дождавшись весны, войска, вернувшиеся

из Сирии, разошлись по своим провинциям. Однако, вместо усиления, войска привезли с собой страшную чуму, начавшую выкашивать население империи.

По нашему мнению, именно чума стала основной причиной успехов задунайских племён в Маркоманнских войнах. Невозможно представить, чтобы обычные варвары смогли прорваться в Паннонию и разрушить все основные каменные крепости, в том числе легионные, а потом заключить мир с Римом и уйти за Дунай. Но раз это было, значит защитников крепостей было много меньше, чем нападающих. То же можно сказать и о прорывах варваров в Северную Италию и Грецию. Да и обо всём остальном, произошедшем в 167–170 годах. В противном случае 10 Дунайских легионов (56000 римлян) и такое же число ауксилиариев стёрли бы варваров в порошок, как это сделали войска Виндекса.

Чтобы потерпеть такие поражения, которые Рим понёс в 167–170 годах, численность Дунайской армии должна была сократиться, как минимум, вдвое. Вероятно, в Рейнских провинциях эпидемия лютовала так же страшно, иначе Марк Аврелий смог бы перебросить оттуда на Дунай необходимые подкрепления, чего мы, однако, не наблюдаем. То же самое, видимо, касается Британии и Испании, хотя Аммиан Марцеллин, например, не упоминает их при описании распространения эпидемии [Аммиан Марцеллин XXIII, 6, 24]. Быть может, эти провинции пострадали меньше.

Эпидемия в Италии началась весной 167 года, когда по-

тепелло и вирус, дремавший в воинах, пришедших с Востока, начал активно действовать. Войска пришли в свои провинции уже имея много больных, поэтому на Дунае, в Галлии и на Рейне чума началась практически тогда же. К лету смертельная болезнь свирепствовала уже во всех названных областях. На надгробии преторианского гвардейца из Рима почти наверняка указана одна из жертв той чумы. Гай Манлий Кассиан умер 29 июля 167 года в возрасте 21 года после двух лет службы в центурии Пластида во II Преторианской когорте [NSA-1915-39 (= AE 1916, 00047 = AE 1916, +00103)]. В Риме в день умирало до 2000 человек, в других городах и центрах скопления людей, таких, как воинские лагеря, процент смертей был не ниже. При таких условиях, месяца за три римляне могли потерять от 20 % до 40 % своих воинов в провинциях, подвергшихся затем удару варваров. Американский историк Гиллиам подсчитал, что жертвами чумы могли стать до двух миллионов человек, но, возможно, он преуменьшает ущерб [Gilliam, J. F. (1961), 'The plague under Marcus Aurelius', *American Journal of Philology* 82, 225–51].

Префектом Рейнского Германского флота в этом или предыдущем году был назначен будущий император Публий Гельвий Пертинакс. Мы знаем, что к нему на Рейн приехала мать и там умерла, не исключено, что тоже от чумы. Может быть, женщина приехала в Германию чтобы спастись от эпидемии, но нашла там лишь свою смерть.

Сам Пертинакс, к счастью, избежал заражения и выжил, как и его будущий преемник на императорском престоле Марк Дидий Юлиан.

Дидий Юлиан происходил из зажиточного и известного медиоланского рода, родился в senatorской семье и вырос в доме Домиции Луциллы – матери Марка Аврелия. Среди его предков были консулы и префекты Рима. Отцом его был Квинт Петроний Дидий Север из знатного инсубрского рода, а матерью Эмилия Клара, внучка знаменитого юриста и сенатора Сальвия Юлиана.

В 153 году Дидий начал свою карьеру децемвиром по юридическим вопросам. В 154–156 годах он служил военным трибуном в одном из легионов (название в надписи стёрто). Домиция Луцилла помогала Дидию Юлиану и дальше. Она использовала свое влияние, чтобы Юлиан получил квестуру раньше необходимого возраста (157 г.). Затем Марк Аврелий протасил его в курульные эдилы и преторы (162 г.). В 163–164 гг. Дидий Юлиан исполнял должность легата легиона III Augusta при проконсуле Африки, в 165–166 гг. он был легатом пропретором Ахайи и наконец, в 167 году стал легатом легиона XXII Primigenia p. f. в Могонциаке в Верхней Германии. Все эти посты можно считать элитными. Ахайя была тихой и самой культурной провинцией империи, а легионы, которыми Дидий Юлиан командовал, давно не находились на острие боевых действий, зато были военной школой знатной молодёжи с большими связями. Так что, карьера

Дидия Юлиана развивалась очень неплохо. Однако, в дальнейшем он доказал на деле, что достоин своих высоких постов.

Конечно, до германцев, сарматов и славян дошли сведения о страшной эпидемии в Империи, о буквальном вымирании римской армии. Эти известия всё изменили. Задунайские племена неожиданно получили шанс победить доселе непобедимый Рим и, как минимум, отнять у него Балканы и Предальпийские области. Всю весну и лето за Дунаем кипела подготовка к вторжению. Пока эпидемия свирепствовала, племена не могли действовать, чтобы самим не стать её жертвой, но вот когда чума поутихла, варвары решились.

Видимо, ближе к осени или уже в сентябре 167 года союз 59 варварских племён прорвал римскую границу, как минимум, от Дакии до Реции и вторгся на территорию империи.

Аквилея. Вид с юга

Главный удар был нанесён маркоманнами, квадами, лангобардами, вистуалами, гариями и некоторыми другими племенами по Верхней Паннонии. Огромная масса варваров, в основном германского происхождения, вломилась на территорию империи. Лимес был прорван, варвары заполнили Паннонию, лагеря римских войск были окружены, блокированы и частично уничтожены. Римское население Верхней Паннонии было частично истреблено, частично захвачено и уведено в плен, причём речь идёт о сотнях тысяч человек. После этого, часть варваров с семьями остались осваивать захваченную провинцию, а часть решила пойти дальше и двинулась по Янтарной дороге к Италии. Они прошли Саварию, Петовион, Целейю, Эмону и вышли к Аквилее, которую немедленно осадили. В Аквилее стояли новые легионы II Pia и III Corsors, которые в обычных условиях наверняка разбили бы варваров, но теперь легионы были обескровлены чумой до такой степени, что даже не помышляли об открытом сражении и ограничивались обороной города. Тем более, что германцы и славяне II века были вооружены, оснащены и организованы куда лучше, чем 100 лет назад. Даже римские авторы признают, что варвары в Маркоманнских войнах были вооружены и организованы очень хорошо.

Не сумев взять Аквилею и оставив часть сил для её осады, варвары ринулись по Венетской равнине, круша и разо-

ря всё вокруг, убивая или угоняя тысячи людей, уводя на север тысячи голов скота, расхищая имущество. Скоро они уже взяли и сожгли Опитеригий и двинулись к Вероне.

По-видимому, часть варваров напала и на Далмацию. Похоже, что под Нароной или в ней самой тогда погибла когорта I *Velgarum equitata*, которую через несколько лет пришлось восстанавливать (см. ниже). А ведь Нарона находилась в самой глубине Далмации, и чтобы добраться до неё, варварам надо было пройти всю провинцию.

Вторым направлением удара варваров была Дакия, куда в том же сентябре 167 года с запада по долине Марисуса вторглись языги князя Банадаспа. Языги шли в Дакию с семьями и скарбом, намереваясь поселиться за Тисой. Местное римско-дакийское население они забирали в рабство. Были взяты Миция, Тибискум, Сармизегетуза. Север Дакии атаковали буры, осы, котины, очевидно, раннеславянские племена. В районе золотых приисков тогда были спрятаны много кладов, часть которых так и не была откопана. Это говорит о потерях в населении. Из тогдашних защитников Дакии нам известны ветераны Парфянской войны: легат легиона XIII *Gemina* Авл Юлий Помпилий Пизон и префект алы I *Hispanorum* *Campanorum* с. R. из Ветеля Гай Юлий Коринфиан, награждённый в Каппадокии за личное мужество. За сражения этого года Коринфиан был вновь отмечен. Он получил командование знаменитой алой I *Batavorum milliaria civium Romanorum Pia Fidelis*. Она дислоцировалась в Раз-

боени в Верхней Дакии.

Третьим направлением был Норик, на который обрушились викуалы и гарии, этническая принадлежность которых определяется плохо. Викуалы считаются частью квадов, а гарии – частью лугиев. В таком случае – гарии – славянское племя из союза лужичан, возможно, сохранившее в названии древний термин «арии».

Начало Маркоманнской войны

Наконец, четвёртым направлением стала Реция. На её территорию вторглись, очевидно, наристы и гермундуры, только что считавшиеся дружественными Риму племенами. На-

ристы, скорее всего, являются никем иным, как «норцами», раннеславянским племенем, жившим к северу от римского Норика. Кем были гермундуры, мы не знаем, но название их явно кельтского происхождения, а не германского.

Удар пришёлся на центральную и восточную часть ретийского лимеса. По археологическим данным, около 170 года были сожжены и разрушены каstelлы Саблонетум, Бургзалах, Бёминг, Ветониана, Алкофен, Регина Кастра, Сорвиодурум. Сожжено было, также, поселение Лосодика.

Итак, осенью 167 года наристы и гермундуры, возможно, при поддержке других племён, на широком фронте атаковали ретийский лимес, прорвали его и хлынули вглубь провинции. Радикально ослабленные чумой римские войска ничего не смогли сделать и укрылись в своих каstelлах. Подробно это вторжение описано нами в книге о Германно-Ретийском лимесе, поэтому здесь мы не будем повторяться, скажем только, что восточным пределом вторжения 167 года стала каstelла Сорвиодурум и её окрестности. По крайней мере, на территориях восточнее Сорвиодурума пока не найдено следов разрушений этого периода. Также неизвестно, насколько далеко на юг зашли варвары, взяли ли Иовисуру, Братананиум, Турум, Августу Винделиков?

В центральной же Реции нет следов вторжения южнее Дуная и возможно, что на помощь ретийским войскам прокуратора Тита Дестиция Севера (165–168 гг.) подошли контингенты из Германских провинций, Британии и Испании.

В целом, ситуация складывалась для Рима катастрофически. Последний раз иностранные войска вторгались на территорию Италии аж в 101 г. до н. э. и это были кимвры. Почти 270 лет после этого Рим не допускал ничего подобного, полностью доминируя в Европе, и вот нашлась сила, сравнимая с силой кимвров. А ведь суть событий была одной и той же. Варварская Европа накопила сил достаточно, чтобы бросить вызов античной цивилизации. Образовались новые мощные союзы племён и даже целые языковые группы, вроде славян. Германские и славянские племенные союзы, а также степные сарматы и остатки старого населения римского приграничья, вроде фракийцев и кельтов, начали борьбу за передел земель и временно объединились против общего врага – Рима. Это объединение было непрочным и скоро распалось, но первые его удары по Римским землям оказались сокрушительными.

В Риме принимались все возможные экстренные меры для спасения ситуации. В декабре (17–23 числа) Марк Аврелий провёл древние религиозно-магические обряды очищения Рима от морового поветрия – лектистернии. Он созвал жрецов со всех сторон, чтобы совершить обряды очищения Рима при помощи богов разных народов Империи. Кроме римских богов, в преддверия храмов были вынесены статуи Изиды и Кибелы, возможно, и Митры. Статуи уложили на лежа и поставили перед ними богатое угощение, перед каждым из богов и богинь то, что они особенно любили, по мне-

нию жрецов. Жрецы и зрители всю неделю стояли подле статуй с непокрытыми головами и просили богов о помощи.

Ещё император взял из храма Марса копье, погрузил его наконечник в кровь жертвенного животного и бросил в сторону неприятеля. В жертву приносилось такое количество животных, что какие-то жители столицы, и в столь грозный момент не утратившие чувства юмора, сочинили записку, якобы отправленную императору белыми быками. Быки просили не слишком усердствовать с жертвами ради победы, ибо, писали они, «если ты победишь, мы пропали». Однако, на самом деле, положение было столь серьезным, что ожидали даже возобновления человеческих жертвоприношений.

Для функционирования армии были нужны большие средства и, хотя деньги в казне были, Марк решил привлечь дополнительные средства лично от императорской семьи. На форуме Траяна была произведена распродажа дворцовых вещей типа картин, статуй, утвари, одежды, драгоценностей. Торги длились два месяца и дали средств достаточно для победы над варварами. Такое самопожертвование императора должно было привлечь симпатии общества и понудить римскую знать поступить подобным же образом. Впоследствии Марк выкупил большую часть распроданного, но и тех, кто отказался вернуть ценности, никак не наказал.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.